

Нурали ЛАТЫПОВ

Сергей ТУШЕВ

50 ОТТЕНКОВ СЕРОГО КАРДИНАЛА

КТО ПРАВИТ МИРОМ

при участии Анатолия ВАССЕРМАНА

Нурали Латыпов

**50 оттенков серого
кардинала: кто правит миром**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Латыпов Н. Н.

50 оттенков серого кардинала: кто правит миром /
Н. Н. Латыпов — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-084860-7

Выражение «серый кардинал» впервые было употреблено во Франции XVII века. И первым таким кардиналом был вовсе не Ришелье, как принято думать вот уже второе столетие. Действительно, во времена короля Людовика XIII страной де-факто управлял красный (по цвету головного убора) кардинал Ришелье, огромное влияние на которого оказывал капуцинский монах отец Жозеф, предпочитавший при этом держаться в тени. И именно отца Жозефа, носившего серую сутану, называли «серым кардиналом». В этой же книге собраны реальные «серые кардиналы», определившие лицо не только прошлого, но и нынешнего века: Бжезинский, Суслов, Киссинджер и далее по оглавлению книги. Как турбулентность сегодняшнего мира явилась следствием вчерашней тактической победы одного «серого кардинала» над другим и при этом, как ни парадоксально, стратегическим поражением обоих? Кто реально «делает» историю? Блистательные первые лица или их серые тени? Ответы на эти и другие вопросы читатель узнает из книги, написанной живым языком при строгом следовании историческим фактам.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-084860-7

© Латыпов Н. Н., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Благодарность	7
Предисловие	8
Пролог	11
Часть 1. Бжезинский против Бжезинского	21
Глава 1. Збигнев Бжезинский ставит мат собственной стране	21
Глава 2. Мироустройство после последней истинно мировой сверхдержавы	28
Китай на великой шахматной доске: «не мировая, но региональная держава»	28
«Геостратегическая адаптация Америки»	30
О дивный новый многополярный мир: стратегическое прозрение	31
Запад в рецессии	35
«Реактивный взлёт Китая на вершину мирового Олимпа»	37
Глава 3. Афганская ловушка	43
Глава 4. Иранский провал	45
Глава 5. «Чёрная дыра» в самом центре Евразии: Россия	47
Дилемма единственной альтернативы	50
Украина на великой шахматной доске	51
Стратегический взгляд на Россию	53
Широкий и более энергичный запад	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нурали Латыпов Тушев 50 оттенков серого кардинала: кто правит миром

© Н. Н. Латыпов

© С. С. Тушев

© ООО «Издательство АСТ»

Благодарность

Авторы выражают признательность за помощь в анализе нефтяной тематики ректору Ухтинского государственного технического университета, доктору технических наук Цхадая Николаю Денисовичу и ректору Уфимского государственного нефтяного технического университета, доктору физико-математических наук Бахтизину Рамиллю Назифовичу.

Иначе как бесценными нельзя назвать советы таких «тяжеловесов-интеллектуалов», как Леонид Григорьевич Ивашов и Юрий Михайлович Лужков, коих мы называем без их многочисленных регалий.

Благодарим кандидатов исторических наук Некрасову Татьяну Александровну и Виноградова Михаила Анатольевича, чьи консультации помогли нам выдержать в книге уровень, превышающий публицистический.

Мы также очень признательны Иванцову Игорю Борисовичу – севастопольцу, офицеру, политику – за помощь в проработке материалов военно-политического характера.

Авторы благодарят за помощь в сборе материала руководителя Фонда поддержки и развития науки Республики Башкортостан Шаймухаметова Руслана Рустемовича.

Отдельную благодарность мы выражаем нашему другу и партнёру, доктору «всёчеловеческих наук» Вассерману Анатолию Александровичу, который, несмотря на свою напряжённую предвыборную кампанию, находил время спорить и дискутировать с нами по материалам книги.

Предисловие

Всегда с удовольствием читаю работы Нурали Латыпова, как персональные, так и в соавторстве. Они глубоки, интересны и всегда соприкасаются с геополитикой. Не стала исключением и эта работа. Казалось бы, заявленная тема касается различных персонажей и эпох, но авторы через исследуемые образы рассматривают сложнейшие политические процессы, увязывая их в цельный геополитический контекст.

Взять хотя бы первого из «серых кардиналов», рассматриваемых авторами, Збигнева Бжезинского. Личность, безусловно, занимательная, с чётко выраженной русофобской позицией. И авторы на ярких примерах показывают механизмы формирования американской глобальной политики, нацеленной на мировое владычество. Несколько ярких цитат из книги я привожу ниже.

СССР, а затем и Россия, для Бжезинского являются вечным противником и объектом воздействия со стороны США. Детальный анализ откровений американского стратега позволяет выяснить, что причина этого явления – не в «плохой» России. А в том, что она не позволяет установить это самое «мировое владычество» кому бы то ни было, включая и современную Америку. И сама не желает быть под чьим-то господством. Идеальная форма существования России, по Бжезинскому, – «свободная конфедерация, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика». Оказывается, разделение на части ускорило бы развитие нашей многострадальной страны, которой «было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком».

Сущность американской стратегии, её двойственный характер показываются в книге через противопоставление позиции другого тяжеловеса – Генри Киссинджера, сторонника «мягкой силы» в отношении России. Да, Киссинджер выглядит стоворчливее: «Запад должен понять, что для России Украина никогда не станет обычным иностранным государством. Российская история началась с Киевской Руси...» и так далее. Но эти приятные нашим ушам слова он произносит не от большой любви к нашей стране. Он – не друг нашего Отечества. Он изощренный прагматик. Вопрос стоит так: атаковать и ослаблять Россию (Бжезинский) или умело использовать для усиления Америки (Киссинджер).

Дополнительный свет на сущность политики Запада авторы проливают с помощью фигуры ещё одного тяжеловеса – Ганса-Дитриха Геншера, германского политика и дипломата, которого с полным основанием можно считать «отцом новой восточной политики». Политики реального сосуществования и сотрудничества двух систем. Вот и в последних своих работах он писал о том, что «стратегическое партнёрство между Германией и Россией, ЕС и Россией и США и Россией нельзя воспринимать недостаточно серьёзно. Оно имеет важнейшее значение для стабильности вновь возникшего многополярного миропорядка. Общие интересы больше, чем это обычно предполагают представители старого мышления по обе стороны Атлантического океана. Кое-кто одной ногой стоит ещё в окопах холодной войны».

В качестве истинно российской геополитической линии поведения в отношении Запада вводится образ мудреца Евгения Максимовича Примакова, к которому у вышеописанных «кардиналов» отношение, без сомнения, уважительное. Возможно, только со стороны Збигнева, большинство стратегем которого, как показали авторы, в итоге провалились, слова о признании масштаба личности Примакова сопровождались бы некоторым скрежежом зубов...

Сам Примаков писал в 2009 году: «Всё, что нужно России, – это уважительные, равноправные отношения с Западом. Те, кто считают, что антиамериканизм генетически заложен в

политику России, заблуждаются». После этих слов понятно, почему Евгению Максимовичу всегда удавалось находить общий язык с прагматиком Генри Киссинджером.

Из других глав моё внимание привлекли материалы, связанные с Великой Отечественной войной. Во-первых, в 2016 году исполнилось 75 лет нападению Германии на СССР. Во-вторых, в начальном периоде войны по сей день много загадок. Через раскрытие характеров Льва Мехлиса и Ялмара Шахта читатель может открыть для себя сущность трагедии 22 июня 1941 г., провалов первого периода войны.

Шахт предстает выдающимся организатором военной промышленности, ключевым соратником Гитлера по подготовке Германии к войне, хитрым, циничным, изворотливым. К тому же удачливым – в Нюрнберге его освободят прямо из зала суда. Но только ли в удаче дело? Как удалось избежать виселицы человеку, который «хотел видеть Германию великой и сильной, и ради этого готов был объединиться даже с дьяволом»?

Кстати говоря, на суде Шахт признается: «Я лишь стремился поднять германскую промышленность. И пресловутое “финансовое колдовство” состояло лишь в действенном сосредоточении и использовании финансовых механизмов и средств Германии. Единственное, в чём меня действительно можно обвинить, так это в нарушении Версальского договора. Но если это считать преступлением, то и самим судьям неплохо бы в нём покаяться. Англия не только молча взидала, как мы вооружались, а даже в 1935 году заключила с нами пакт, согласно которому численность наших военно-морских сил ограничивалась одной третью от военно-морских сил Великобритании. Когда мы вводили всеобщую воинскую обязанность, никто из мировых держав и не пикнул. Их военные атташе присутствовали на наших военных парадах и видели всё своими глазами...»

Лев Мехлис, которого часто именовали «серым кардиналом», наоборот, – туповатый, жестокий исполнитель репрессивных методов власти, но которому Сталин в первые месяцы войны доверял. Константин Симонов позднее скажет о начальнике Главного политуправления Красной армии: «Это был человек, который в тот период войны не входя ни в какие обстоятельства, считал каждого, кто предпочёл удобную позицию в ста метрах от врага неудобной в пятидесяти, – трусом. Считал каждого, кто хотел элементарно обезопасить войска от возможной неудачи, – паникёром; считал каждого, кто реально оценивал силы врага, – неуверенным в собственных силах. Мехлис, при всей своей личной готовности отдать жизнь за Родину, был ярко выраженным продуктом атмосферы 1937–1938 годов».

Авторы смело вторгаются и в осмысление причин крушения Советской державы, протягивают нить исследования от «кардинала» М. Суслова с его косным, запретительным типом мышления и базовым принципом «на идеологии не экономят», через глупого популиста М. Горбачёва, жаждущего власти и славы Б. Ельцина («трижды не Пиночета»), пустоватого Е. Гайдара, «прочмокавшего» Россию. И умело, тонко вводят в этот контекст умнейшего министра нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Ахмеда Заки Ямани, чтобы ярче оттенить недостатки советской экономической модели и разоблачить нынешний сырьевой шаблон российской экономики. Читатель найдёт много интересного (и, к сожалению, не потерявшего актуальность) о советской действительности и о роли «чёрного золота» в мировой политике.

Особняком в работе стоит современный этап российской истории. Причины развала СССР, алчные устремления реформаторов новой России, их преступления по разграблению богатств страны и разрушению промышленной основы государства под видом борьбы с коммунизмом вскрываются через узнаваемый образ циничного «рыжего кардинала». Уместно привести здесь в качестве иллюстрации процитированное в основной части книги признание Джеффри Сакса – бывшего руководителя группы экономических советников Бориса Ельцина: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... И как мне кажется, российское руководство превзошло

самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег, и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

У авторов получился цельный взаимосвязанный труд, дающий комплексные ответы на многочисленные вызовы истории XX и начала XXI столетий.

Они – профессионалы: методолог Нурали Латыпов и историк Сергей Тушев. Но по ходу исследования, проведенного на высоком научном уровне, авторы, тем не менее не смогли остаться равнодушными к своим персонажам, и поэтому тут и там прорывается эмоциональная оценка поступков так называемых «серых кардиналов». Безусловно, книга от этого только выигрывает.

Леонид Григорьевич Ивашов, президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, генерал-полковник

Пролог

Во всем, что я делаю, я всегда руководствуюсь долгосрочными перспективами. Как только вы начинаете думать категориями краткосрочных задач, вы уже в беде.

Ахмед Заки Ямани

Для Запада демонизация Владимира Путина – это не политика; это оправдание отсутствия таковой.

Генри Киссинджер

Опыт европейской истории учит: каждая претензия на доминирование создает силы противодействия. Тот, кто ищет конфронтации, должен знать, что это автоматически вызывает мобилизацию на другой стороне и тем самым препятствует решениям, основанным на сотрудничестве.

Ганс-Дитрих Геншер

В своё время каждый из авторов читал прекрасные беллетризированные (но написанные на хорошем историческом материале) книги Валентина Пикуля. Многие помнят его исторический роман «Битва железных канцлеров» о противостоянии Бисмарка и Горчакова. Конечно, велико было искушение провести аналогию и красиво обыграть это название в нашей книге, назвав её «Битва серых кардиналов».

Но даже поверхностное исследование документов предыдущей эпохи показало, что, к сожалению, интеллектуальные возможности противостоящих «серых кардиналов» – Суслова и Бжезинского – были просто-напросто несопоставимы. В разделе, посвящённом автору максимы «на идеологии не экономят» Михаилу Суслову, даётся подробный анализ, почему оказался в сырьевой зависимости, деградировал и стремительно распался Советский Союз. Сегодняшняя трагедия столкновения России и Украины – эхо того колоссального излома нашей истории, той «величайшей геополитической катастрофы», которая стала закономерным итогом правления тандема Суслова и Брежнева.

В итоге вышеупомянутой «битвы» наш серый кардинал проиграл, проиграл страну. Их серый кардинал вроде бы выиграл, но...

Как раз это «но» мы и анализируем в начальном, самом обширном разделе нашей книги, посвящённом Бжезинскому. Решив, что на холодной войне хороши все средства и вооружив для борьбы с Советским Союзом афганских моджахедов (заодно сделав на память несколько незабываемых фотоснимков с Усамой бен Ладеном), этот хитроумный тактик, мнивший себя стратегом, в конечном итоге вынужден был придумывать методы противодействия новому врагу – международному терроризму. Ныне стратегический тактик наконец осознал также и проблему стремительно набирающего силу Китая¹. Причем эти угрозы сегодня представляют для США большую интегральную опасность, нежели ядерно-космическая мощь бывшего СССР.

В итоге, даже выиграв битву с фантомом Российской империи, отомстив за когда-то «униженную» Польшу, опираясь на гигантские ресурсы американской экономики, Бжезинский элементарно злоупотребил своей властью. Злоупотребил, как бы это ни звучало парадоксально, во вред самой американской власти. В стратегической перспективе распад

¹ В первую очередь, благодаря исчезновению естественного евразийского противовеса в лице СССР. Исчез который, конечно, неестественно...

«Империи Зла» обернулся для США воистину «пирровой победой». И вот теперь мир полон энтропии и турбулентности. Резко выросла непредсказуемость как глобальная, так и региональная. Ситуация на планете стала зыбкой, напоминающей трясину топкого болота.

* * *

Несколько предваряющих слов о «сером кардинале» Генри Киссинджере. Вызывает огромное уважение стремление человека в 93 года (вместо написания мемуаров у камина) активно участвовать в мировой политике². Причем свои усилия он направляет на разрядку, на смягчение напряженности, которая возникла по вине обеих сторон. И он пытается примирить стороны противостояния. Мы с интересом стали изучать эту фигуру несколько лет назад. Уверены, что Киссинджер понимает угрозы миру значительно глубже, чем подавляющее большинство его более «молодых» западных коллег. Вроде того же Бжезинского, которому, кстати, в этом году исполнилось 87.

Наши опасения по поводу диссонанса таких разных по величинам и оттенкам персонажей нашей книги, к счастью, не оправдались. По ходу работы над текстом выяснилось, что анализ деятельности Бжезинского и Суслова, Киссинджера и Примакова, Мехлиса и Шахта, Геншера и Ямани, а также персонажа, обозначенного нами под титулом «рыжий кардинал», – позволяет не только в очередной раз проследить, кто и на каких развилках прошлого направил мир в сегодняшние тупики, но и выявить поразительное переплетение этих тупиков.

* * *

Продолжим наш пролог ныне уже заезженным вопросом о необходимости и последствиях крымской операции. Конечно, уважаемый нами генерал-полковник Ивашов, автор предисловия к нашей книге, считает, что возвращение Крыма и Севастополя – стратегическая победа. Не будем спорить с этим, оговорив, правда, что любая стратегия на фоне более масштабной стратегии превращается в тактику. Кстати, тот же Леонид Григорьевич Ивашов, патриот и человек кристальной честности, всерьез опасается, что орда российских чиновников, бросившихся делить заповедные уголки Крыма, не только наносит непоправимый вред природе полуострова, довершая начатое жадными киевскими чиновниками, но и подрывает веру в Россию... Как у крымчан, так и у жителей всей страны.

С нашей точки зрения, Крымская победа лишь частично компенсировала стратегическое поражение в борьбе за Украину в целом.

Непонятно, удержим ли мы в этих условиях ситуацию под контролем. Мы говорим об этом с горечью. Наибольшую тревогу вызывает состояние российской экономики³. Сейчас некоторые американские политологи, например, аналитическая организация Stratfor⁴, дают прогнозы, что в ближайшее десятилетие Россия может распасться. Их беспокоит, что произойдет дальше с нашими ядерными арсеналами, которые могут попасть под контроль новых «региональных» властей. Вот чем озабочены американские аналитики. И, к сожалению, эти опасения не лишены оснований. Мы же все вместе – и власть, и оппозиция –

² Таким был и наш Евгений Максимович Примаков.

³ А ведь гораздо более диверсифицированный и устойчивый СССР не выдержал именно экономического напряжения. Если одно звено цепи менее прочное, нежели остальные, то именно оно определяет прочность всей цепи. И один из героев этой книги М. А. Суслов сыграл, пожалуй, решающую роль в том, чтобы экономическое звено было буквально поражено коррозией.

⁴ Полное название компании «Stratfor» – Strategic Forecasting, Inc. (переводится как «стратегическое прогнозирование»). Stratfor – это издательство и глобальная разведывательная компания, основанная в 1996 году в США.

должны сделать все, чтобы эти апокалиптические пророчества не сбылись. Но пока в сторону от пропасти движения не видно.

Нужно было Крыму соединиться с Россией? Нужно. Возникает вопрос: когда и как это следовало сделать? Возьмем пример Китая и Тайваня. Да, Тайвань находится под американским «зонтиком». Однако вряд ли за Тайвань американцы затеяли бы войну с Китаем. Не говоря уже о том, что Китай мог бы провести молниеносную акцию вторжения на остров. Наверное, на Тайване не было бы такого процента голосующих за воссоединение. Но китайцы – люди изощрённые, и полагаем, они вполне могли бы разрешить спор вокруг принадлежности острова «по-семейному». Во всяком случае, Китай обладает мощной экономикой, но не искушает судьбу, чтобы не попасть под какие-нибудь санкции. И это при том, что они практически всё научились делать сами.

Означает ли это, что Китай не помышляет о присоединении Тайваня? Нет. Китай выжидает момента. У Шекспира есть такие строки:

*Мне верится, вы искренни во всём.
Но мы привязанности сами рвём.
Обеты нам подсказывает страсть:
Остынет жар, они должны отпасть,
Как с ветки падает созревший плод,
Когда свалиться время настанёт.
Чтоб жить, должны мы клятвы забывать,
Которые торопимся давать.
И мы живем не чем-нибудь одним,
А сменой увлечений жить хотим.*

Сказано это по поводу любовных коллизий. Но в равной мере относится и к государствам с их взаимоотношениями. Китай дожидается момента, когда плод созреет.

И мы тоже вполне бы могли взять на вооружение такую стратегию. Как в своё время высказался Горчаков, «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». И гибко решить крымский вопрос. Но Москва в ситуации форс-мажора поспешила осуществить формальное присоединение. Хотя мы могли бы отнести Крым к ещё одной непризнанной республике. Но были уверены в собственных силах или, быть может, переоценили свои возможности. И то и другое – опасно. Не совершили ли мы стратегическую ошибку?

Что касается отношения Украины к крымской проблеме, то они уже успели привыкнуть к нахождению полуострова в своем составе. Известно выражение: «Занимаешь чужое, а отдавать приходится свое» В этом смысле Крым для Украины – отрезанный ломоть. И поскольку все последствия не были наперёд просчитаны российской стороной, авторы опасаются, что блестяще проведенная тактическая операция может открыть врата для стратегического поражения. Ведь важно выиграть не бой, а войну (вспомним царя Пирра и его победу).

Анализ ситуации показывает, что присоединение Крыма было спонтанным оперативным решением, блестящей операцией на опережение. Но даже при такой победоносной развязке крымской драмы Москва поспешила конституировать вхождение Крыма в состав РФ. Возможно, мы должны были «подвесить» этот вопрос. Обратите внимание на американский подход. Косово никто не присоединил к Албании, и пока это даже не намечается, поскольку американцам это невыгодно. Мы достаточно осмотрительно «играем» с Карабахом, Приднестровьем, Абхазией. Что касается Южной Осетии, то в её случае речь идёт о разделённом народе. Здесь, казалось бы, нам и карты в руки. Но присоединения суверенной Южной Осетии не произошло. Правильно, что мы не пошли на это в 2008-м. Именно передел границ в

2014-м больше всего напугал мир, стал правовым основанием для введения Западом санкций против России. Если бы мы не стали включать Крым в состав Российской Федерации, риторика Запада была бы та же – они бы громогласно нас осудили, ввели санкции. Но из санкционного режима мы бы вышли быстрее. Как говорят врачи, бывает прогноз благоприятный и неблагоприятный. В такой ситуации был бы именно первый.

Посмотрите, как Европарламент поставил вопрос в феврале 2016 года. «Восстановление контроля Украины над полуостровом является одним из условий, необходимых для возобновления отношений сотрудничества с Российской Федерацией, в том числе приостановления соответствующих санкций», – гласил текст резолюции. И хотя для Еврокомиссии это решение Европарламента формально не является обязательным рескриптом, оно создает очень серьёзный политический фон.

Мы могли бы затеять более умную игру, например: самостоятельная Республика Крым – до выяснения обстоятельств, а далее, по Ходже Насреддину: «Либо ишак сдохнет, либо падишах». А чтобы поддержать Крым, который подвергнется блокаде, заключили бы, как с Абхазией, «Соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». И это бы выглядело для Запада не так устрашающе. Но мы поспешили вернуть Крым «железобетонно»⁵. И здесь мы действовали достаточно близоруко. Умно, но не мудро. Возможно, мы просто не уверены были в том, что удержим ситуацию, что от нас вновь не «уплывёт» этот легендарный, обильно политый кровью наших народов, полуостров. Но если мы так не удержим, то не удержим и по-другому.

Оглянемся в прошлое. Помните, как на исходе Гражданской войны Совнарком РСФСР возвращал Дальний Восток? Буферная зона, Дальневосточная республика. Провозглашена в апреле 1920 года, включена в состав РСФСР в ноябре 1922 года. Мы могли повторить это – создать буферную республику, Крымско-российское независимое государство.

Кто виноват в украинских событиях и в нынешнем трудном международном положении нашей страны? Мы и они: Россия и Запад. Надо уметь понимать противника. Как говорил Эйнштейн, понимать важнее, чем знать. Да, и Запад должен понимать нас.

После окончания холодной войны, после того как исчезло геополитическое давление Советского Союза, большая часть западной элиты в главе с такими персонажами, как Бжезинский, испытала состояние, схожее с кессонной (декомпрессионной) болезнью. Если позволить себе грубое сравнение, то даже паханы в уголовных сообществах, мыслящие на годы вперед, стараются не «борзеть» и не требовать лишку. Они строят отношения, базирующиеся на ритуалах и регулируемые определенным кодексом поведения. Нарушив все мыслимые и немыслимые правила приличия, к упавшему, больному, немощному на тот момент государству Запад подошёл не просто с позиции силы. Для Бжезинского и ему подобных холодная война словно и не заканчивалась. За жесткостью их официальных формулировок легко читалось злорадство из-за слабости недавнего могущественного противника, который теперь представлял собой «чёрную дыру в Евразии».

Есть такая байка: гусару захотелось непременно насильственно «попользоваться» барышню, которая и без того выказывала ему все знаки внимания и желание отдаться. Звучит оскорбительно, но наша страна, к сожалению, оказалась в роли той барышни в 1990-е годы. «Новорусская» барышня под руководством Ельцина отдавалась направо: это касается и военных секретов, и геополитических интересов. Один из авторов этой книги предлагал вариант событий, альтернативный расширению НАТО на Восток. Преодолев неприязнь к

⁵ По поводу «железобетонности» и «гибкости». Глава Сбербанка Герман Греф недавно в своей лекции в «Сколково» говорил, что западные политики целенаправленно целыми правительствами обучаются подходу, обозначаемому словом «agile» (буквально – гибкий, подвижный): «Скорость преобразований в тех государствах, где внедряется agile, будет так нарастать в отношении нас, что это станет уже просто опасно для нашей страны. Если мы и дальше будем отставать, то это отставание будет, к сожалению, мало сопягаться с нашей возможностью выжить в глобальном мире».

Ельцину и его окружению, имел в Кремле беседу с правой рукой руководителя Администрации Президента, Анатолия Чубайса. Однако позиция наших рулевых осталась неизменной: «НАТО? Да пускай расширяется».

В эпоху холодной войны удерживалось военно-политическое равновесие. Чаши весов ОВД и НАТО были приблизительно равны. И тут происходит разбалансировка – разрушается СССР, а страны Восточной Европы (ГДР, Чехословакия, Польша) перемещаются на другую чашу весов. Это уже катастрофическое нарушение баланса. Но Бжезинский и ему подобные на этом не остановились. Они ринулись ещё дальше на Восток. Путин сделал жест доброй воли, когда не стал протестовать против расширения НАТО за счёт стран Прибалтики. Это было оценено? Нет. Они только сильнее пришпорили «коней».

Напомним, что даже идейный отец «политики сдерживания» времен холодной войны Джордж Кеннан предрекал ещё в 1997 году: «Расширение НАТО на Восток является роковой стратегической ошибкой, оно повлечёт целый ряд последствий и неопределённостей, вызовет недовольство у многих стран». «Мне кажется, что это начало новой холодной войны. Реакция России весьма негативно повлияет на внешнеполитические действия США. И это станет трагической ошибкой. Не существовало никаких оснований для начала этих действий. Больше не должно было возникать никаких угроз со стороны Соединённых Штатов», – добавил он же через год. По мнению Кеннана, планы четвёртого расширения НАТО в 1999 году были чреваты возрождением для России образа Запада как внешнего врага. И, безусловно, стали бы препятствовать демократизации страны.

Что должен думать наш народ, когда линия инфраструктуры при современных вооружениях подходит к границам России, к жизненно важным центрам? Существует, например, мнение, что Гитлер имел шанс переломить ход войны, если бы заранее обзавёлся бомбардировщиками. Тогда бы он мог разбомбить эвакуированные на Урал предприятия. А без Урала СССР якобы не устоял бы. Вернёмся в наше время. Сегодня у стран Запада есть новейшие ракеты и бомбардировщики. Что же мы должны думать о замыслах наших заклятых друзей?

Потому и родилась мюнхенская речь Путина. Закономерная ответственная реакция со стороны российского руководства. Но повторим, тут виноват не только Запад, виновата также клика Ельцина. Есть американская поговорка: возможность украсть создает вора. Можно было заранее – на переходе от СССР к России – очертить красной линией границу, дальше которой НАТО не может расширяться на Восток. Россия – правопреемник СССР и в вопросах безопасности. Этого сделано не было. Поэтому сочетание двух этих факторов загнало российское руководство в угол. Поэтому последовали отчаянные шаги Кремля, особенно когда самым беспардонным образом был сменён режим на Украине. Гибридная война была начата Западом, а не Москвой.

Но то не отменяет и наших просчётов на украинском направлении. Во времена обилия нефтедолларов была упущена возможность развить свою промышленную базу, особенно в сфере высоких технологий. Это – первое. Второе: тогда же был благоприятнейший момент по перетягиванию Украины на новый уровень партнёрства с Москвой, и один из авторов писал об этом с Анатолием Вассерманом в предыдущих работах.

Ещё раз подчеркнём: нам не Украина нужна как территория, нам нужен украинский народ. А начинать надо было с бедствующих украинских предприятий и лучших инженерных умов. У нас было в то время достаточно финансовых ресурсов, при том, что их растрачивали и разворовывали. По большому счёту, мы абсолютно не смотрели вперед. Украина и Россия по промышленному и научному потенциалу – два обрубка, каждый из которых неполноценен сам по себе (особенно в сфере ВПК). Недопущение их воссоединения, достижения целостности, которая была сформирована в СССР, – главная задача таких деятелей, как Бжезинский. О чём он сам неоднократно говорил. Но мы-то должны были ковать железо, пока горячо...

Что на самом деле происходило? Было много слов. Но практически не было дел. Можно по-разному относиться к Юрию Лужкову, однако вряд ли кто-то будет оспаривать дальновидность таких его шагов, как адресная помощь Москвы Черноморскому флоту, строительство жилья для моряков-черноморцев, открытие филиала МГУ в Севастополе. Если бы не вмешательство бывшего московского градоначальника, на металлолом пошёл бы крейсер «Москва», который в своё время доминировал в Средиземном море у берегов Сирии. А мост в Крым Лужкову не дали построить, хотя впервые с такой инициативой столичный градоначальник выступал ещё в 2002 году. Нужна была политическая воля на уровне федеральной власти. Мы могли бы перетянуть ключевые технологические звенья украинской оборонки и воссоздали бы ядро советской. Если бы воссоединились две половинки, образовалась бы критическая масса для технологического прорыва.

Абсолютно правильным шагом было создание ЕврАзЭС. По подсчётам специалистов, чтобы высокотехнологичная промышленность была рентабельна, рынок должен насчитывать приблизительно 250 млн человек. В России только 140 млн, и только с Украиной мы бы начали приближаться к минимальному порогу. Плюс, перспективным партнёром для нас могла бы быть Турция, хотя она и является членом НАТО. Мы же перевели часть вооружения на стандарты НАТО, чтобы сделать их рыночными. Россия, Турция, Украина, Белоруссия, Казахстан – это был бы уже полноценный рыночный кластер. Но Путин, к сожалению, интеллектуально оторвался от своей команды. Точнее, он свою команду интеллектуально не подтянул к себе. И потому ощутимых результатов на этом направлении пока нет.

* * *

Вернемся к стратегическим просчётам Запада, который ввел экономические санкции и смотрит, достаточно ли велик и непоправим для нас ущерб. Но смотрите, что сейчас происходит. Старый Свет озабочен притоком чужеродных толп беженцев с Ближнего Востока. Но Европа и стоящие за ней США не замечают ещё одну очень серьёзную проблему. Экономические санкции против Москвы уже привели к тому, что миллионы гастарбайтеров – таджиков и узбеков – стали возвращаться из России на родину. Дома их никто не ждёт, там плачевное соотношение экономики с демографией. Эти возвращенцы, хлебнувшие воздуха свободы, молоды и ничем не заняты. При этом они оскорблены и обижены на судьбу и на нашу страну. Это питательная среда для вероятного джихада.

Изо всех сил мы страшаем друг друга запрещённым не только в России Исламским государством (ИГИЛ). Страшаем не зря, потому что это – серьёзнейшая угроза. Они создали серьёзный прецедент, когда грамотно стали вести хозяйство, попытались справедливо распределять ресурсы. Подчеркнём именно это слово – справедливо. У нас в Дагестане были два села – оплота джихадистов – Чабанмахи и Карамахи. Народ устал от взяточничества и поборов в Дагестане. И там появились эти «очаги справедливости», притягательные для части населения. И это было ещё до ИГИЛа.

Что такое ИГИЛ? Это оседлание идеи справедливости. Кто туда бежит? Бегут те, кому не вмоготу мириться с дефицитом справедливости. Откуда бегут? В первую очередь, с Запада, из Европы, США. ИГИЛ – это утопия, но очень хорошо подкреплённая: идеологией, финансами, деньгами реакционных монархий, как говорили раньше. Из России тоже бегут. Варвару Караулову поместили в психиатрическую больницу. Не знают, что делать. На самом деле, таких новообращённых карауловых будет не одна, не две – поток. Обратите внимание, сколько русских фамилий среди тех, кто едет воевать на стороне ИГИЛ. Почему едут? Из-за **дефицита справедливости**⁶. И это должно быть звонком для наших властей. Всё меньше

⁶ Здесь и далее выделено авторами.

и меньше справедливости в мире, где всего 1 процент сверхбогатых владеет 99 процентами общественного достояния.

Кстати говоря:

В январе 2014 года международной организацией Oxfat было опубликовано исследование, согласно которому 85 богатейшим людям принадлежало столько же, сколько беднейшей половине населения Земли (3,5 млрд людей). «Самые богатые люди в мире не имеют привычки ездить на автобусе, но если бы они решили сменить обстановку, то тогда богатейшие 85 человек на Земле – которым принадлежит столько же материальных ценностей, сколько беднейшей половине мирового населения вместе взятой – уместились бы в один двухэтажный автобус», – привёл яркий образ корреспондент The Guardian Грэм Уэрдэн.

Именно к ощущению несправедливости апеллировал предвыборный клип кандидата в президенты США демократа Берни Сандерса, который собирался положить конец власти Уолл-стрит: «Это называется мошеннической экономикой, и вот как она устроена. Большую часть заработанного страной богатства получает один процент населения. Эта система действует благодаря коррумпированным политикам, потому что банки и миллиардеры Уолл-стрит покупают выборы. Моя кампания ведётся на деньги миллиона мелких доноров – таких же, как вы, людей, которые хотят бороться. Нельзя бороться с коррумпированной системой на её же деньги».

По прошествии двух лет с даты появления предыдущего исследования, в январе 2016 года эксперты Oxfat сообщили, что уже не 85, а 62 человека владели таким же объемом материальных ценностей, что и беднейшая половина населения Земли. С 2010 года состояние этих 62 человек увеличилось на 44 %. За это же время самая бедная часть населения потеряла 1 триллион долларов, что составляет 40 % состояния бедняков⁷.

Поляризация растёт с каждым годом и приводит к тому, что люди ищут, с одной стороны – царства справедливости, город Солнца, с другой – революционной романтики. Отторгаясь от лживого мира, люди шли под знамена Че Гевары. Абу Бакр аль-Багдади – это своеобразная гротескная реинкарнация того же Че Гевары, только теперь в чалме.

Сегодня мировые элиты до конца не понимают, что происходит на планете. Это не классовая борьба. Это новое явление. И мы должны держать его под интеллектуальным контролем. В феврале 2016 года генсек ООН Пан Ги Мун привёл данные, согласно которым в разных частях света террористической организации «ИГИЛ» присягнули 34 вооруженные группировки. «Недавнее расширение сферы влияния ИГ в Западной и Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Африке демонстрирует, с какой скоростью и масштабом распространялась эта угроза на протяжении всего лишь 18 месяцев», – говорилось в докладе ООН. Также отмечалось, что выросла угроза нападений со стороны связанных с ИГИЛ групп из таких стран, как Филиппины, Узбекистан, Пакистан, Ливия и Нигерия.

Происходят несанкционированные ИГИЛ теракты, но под флагом этой организации. Это говорит о том, что ИГИЛ как мировая сила состоялся. «Исламское государство» – это новое явление, которое условно можно взять в скобки, правая скобка которых называется франшиза, а левая скобка – вирус. Это страшное сочетание. Запылать может весь мир. И чисто мусульманская риторика будет стоять на втором плане. Да, им нужно было какое-то

⁷ Кстати говоря, как определил лауреат Нобелевской премии по экономике 2015 года Энгус Дитон, человек перестаёт радоваться деньгам, когда его зарплата переваливает за 75 000 долларов в год.

религиозное обоснование, которым стал Коран. На самом деле, корни этого нового радикального революционного движения лежат глубже. И именно поэтому оно всемирное. И в нашей стране у него, к сожалению, есть своя питательная среда. Поэтому власть хотя бы для самосохранения обязана заняться ликвидацией дефицита справедливости. Такая стоит стратегическая задача.

* * *

Когда Запад стал давить на Муаммара Каддафи, один из авторов данной книги выступил в печати совместно с Анатолием Вассерманом с критикой этой пагубной опрометчивой политики. Английские и французские командос участвовали в свержении лидера ливийской Джамахирии. Французские спецслужбы дали наводку на пытавшегося сбежать Каддафи. Это варварский акт: во Франции формально нет смертной казни, но они дали наводку палачам из бандитов. Так же американцы выловили Саддама Хусейна и переправили его иракским властям.

Каддафи сдерживал миграционную волну из Африки в Европу. Во-первых, он создал очень жесткие военно-полицейские кордоны, и Евросоюз это знал. Во-вторых, Каддафи абсорбировал значительное количество рабочей силы. Сегодня эти люди ушли либо в бандиты, либо в беженцы, либо в сочетание и того и другого. Европейцы посеяли ветер. И только начали пожинать бурю.

Принесению в жертву Каддафи и Хусейна предшествовал омерзительный прецедент такого рода в нашей стране. Как иначе назвать поступок Ельцина, по сути, выдавшего «на расправу» Эриха Хонеккера, одного из основных союзников СССР? Невзирая на терминальную стадию рака, послушные Ельцину медики выдали руководителю ГДР, не глядя, справку «здоров». И тогда чилийское правительство 11 декабря 1991 укрыло Хонеккера в своем посольстве в Москве. Впрочем, в июле 1992 года экс-руководитель Германской Демократической Республики всё же был выдан властям ФРГ, где должен был предстать перед судом. И хотя, не имея способов доказать в суде хоть какое-то обвинение, власти ФРГ через 169 дней освободили узника, осадок, как говорится, остался. Если правопреемница Советского Союза Россия легко и вероломно выдает большого друга СССР Хонеккера, кто в будущем захочет союзничать с нашей страной?

Но, оказывается, мы не одни такие: американцы так лихо сдали Мубарака, что теперь египетские военные американцам ни на грош не верят. И сейчас не случайно идёт укрепление российско-египетских связей. Что касается Сирии и судьбы её лидера, то здесь мы совершенно согласны с Путиным и его командой в том, что Башар Асад – единственная сила, поддерживающая хоть какой-то светский порядок. Президенту Сирии приписывают ужасные «зверства», но не только ему. Это было и при Асаде-старшем, как это, к сожалению, повсеместно заведено на Востоке при авторитарных режимах. Но кто может предсказать, сколько людей ещё погибнет, если режим Асада падет? В связи с падением цен на углеводороды в любой момент может вспыхнуть Алжир. Местная правящая клика дышит на ладан, и революционный радикальный Алжир станет огромной опасностью для Европы, особенно для Франции. Дальше на очереди – Марокко. Этого хотела Европа?

* * *

Перенесёмся на Дальний Восток. Вполне вероятно, что за недавним запуском очередного северокорейского спутника стоит испытание баллистической ракеты дальнего действия. До этого над Кореей демонстративно летал стратегический бомбардировщик США, проходили масштабные демонстративные военные учения. На самом деле, США вполне по

силам провести спецоперацию и решить северокорейский вопрос. Но Северная Корея нужна ныне «живой и здоровой» многим заинтересованным сторонам. Для США это – жупел, позволяющий держать мощный кулак у границ Китая. Ведь в тот же Афганистан американцы вторглись в том числе и для того, чтобы со стороны Синьцзяна обложить Китай. Северная Корея – это легитимация такого кулака у границ Поднебесной.

Но одновременно Северная Корея нужна и Китаю для его корыстных целей. Почему? Потому что Китай понимает, что если Северная Корея рухнет, то сильная в экономическом отношении Южная Корея распространит своё влияние на весь полуостров. Но не это главное. Главное, что дуло американского пистолета подойдёт и в буквальном смысле к виску Пекина, равно как и Владивостока, кстати.

Япония способна быстро восстановить военно-политический паритет с Китаем, потому что технологический и финансовый задел Страны восходящего солнца это позволяет. И Штаты подвигают Токио к этому. Другое дело, что американцев сдерживает память Перл-Харбора и то, что Япония в таком случае станет слишком самостоятельным игроком. Как писал поэт:

*От мудрого совета не беги,
Врагов, на всякий случай, береги.
Когда друзья становятся врагами,
Друзьями нам становятся враги.*

Это настоящая стратегия, которой нам следует руководствоваться.

Первое, что нам надо сделать – это осуществить стратегический прорыв в отношениях с Японией. Мы излагали свои рецепты в книге «4.51 Стратегемы для Путина». Они могут быть востребованы и на сегодняшний день. Пойти на условия Японии и отдать им острова Курильской гряды – губительный прецедент. Но мы можем сделать такое предложение, от которого японская сторона не сможет отказаться. Например, дать масштабную концессию на некоторые малонаселенные и экономически депрессивные районы граничащих с Китаем дальневосточных областей. Почему нельзя пускать туда Китай? Дав долгосрочную концессию китайцам, мы, во-первых, поможем получить им демографическую легитимацию, во-вторых, значительно ухудшим экологию: свою пашню они уже изрядно изгадили пестицидами и гербицидами. Земледелие у нашего островного соседа гораздо более экологически взвешенное. Если бы мы создали из отданных в концессию японцам регионов своеобразный пояс в российской юрисдикции – были бы одновременно решены многие продовольственные и технологические проблемы.

Что касается возможных политических осложнений во взаимоотношениях с Китаем, то что мы можем утратить по сравнению с сегодняшним днем? Поднебесная никогда в своей истории не признавала равных отношений с «варварами» и не удивительно, что сегодня она смотрит на Российскую Федерацию скорее с позиции силы, пренебрежительно. Устами официального информационного агентства «Синьхуа», входящего в структуру Министерства госбезопасности КНР, Китай заявляет, что Россия – по сути «лузер». Не в тех выражениях, но смысл сводится именно к этому. Соответственно, в случае появления противовеса в лице Японии Китай будет вынужден прилагать усилия для выравнивания баланса.

Размещаемым на российско-китайской границе японским хозяйствам можно жаловать и 99-летнюю концессию. Кто будет защищать эту границу? Япония окажется заинтересованной в нерушимости границ. И это не противоречит союзническим отношениям США с Японией, потому что через опосредованное японское присутствие здесь США будут спокойны за эту границу с Китаем.

Нужно уметь играть в стратегические игры.

Наполеон Бонапарт любил цитировать афинского военачальника Харбия, утверждавшего, что армия львов под предводительством барана проиграет армии баранов под предводительством льва. Добавим от себя: при условии, что бараны из ближайшего окружения не заглушат рык льва своим блеянием.

Часть 1. Бжезинский против Бжезинского

Глава 1. Збигнев Бжезинский ставит мат собственной стране

*Спуск красного флага в Кремле был уже формальностью, за которой было приятно наблюдать.
Збигнев Бжезинский*

Что можно сказать по поводу этого высказывания одного из ключевых архитекторов американской стратегии времён холодной войны, которого некогда называли «Киссинджером Джимми Картера»?

«Величайшая геополитическая катастрофа XX века» – по выражению Владимира Путина – формально случилась потому, что мы сами десятилетиями разваливали страну. С одной стороны – строили, с другой – разваливали. Как в школьной задаче: в трубу А втекает, из трубы Б вытекает.

Вот Сталин: труба А – ликбез, индустриализация, модернизация армии; труба Б – варварская коллективизация, репрессии и ГУЛАГ, Лысенко, кибернетика, генетика. Хрущёв: труба А – массовое жилищное строительство, демилитаризация – спасение экономики; труба Б – управление хозяйством страны наугад, гонения на модернизм во всех видах искусства. Брежнев: труба А – международная разрядка, объединение планового и рыночного управления; труба Б – деиндустриализация, разложение советского и партийного аппарата, широкомасштабная коррупция, апофеоз стратегических просчётов – Афганистан.

Про горбачёвские А и Б красноречиво говорит сам Бжезинский: «Говорить о перестройке и гласности было легче, чем ответить на вопрос, что сделать с ленинизмом. Его правление ускорило кончину империи. Он не провёл никаких существенных экономических реформ и, сам того не желая, вытащил на поверхность национальные вопросы. Гласность служила отличным прикрытием для проявления антирусских настроений. Украинский писатель мог, не указывая пальцем на великороссов, назвать Сталина преступником за уничтожение украинской культурной элиты и голодную смерть миллионов украинцев. Прибалты могли собираться, чтобы почтить память жертв сталинских ссылок, и требовать большей автономии, не высказывая категорического осуждения русских. А Горбачёв не мог одновременно говорить о гласности и запретить подобные манифестации». Как видно не только из этой оценки, Горбачёв оказался всего лишь пигмеем, не способным удержать зашатавшегося гиганта.

Но без Ельцина красный флаг всё равно выжил бы. Ельцин был не одиночкой. Ельцин в широком смысле – это вся разложившаяся федеральная и региональная верхушка СССР. Им всем стало выгодно разрушение страны, они все при этом «хапнули» кто что мог из общенародной собственности. Пятая колонна вызревала в рядах номенклатуры. Взять того же Ельцина. Ведь печально известный дом Ипатьева, где в обстановке варварской паники расстреляли отрেকшегося императора с семьей, не тронули даже при Сталине. А вот Ельцин холуйски выслужился – снёс. Причём никакой НКВД над ним не довлел и ничего подобного не требовал. А через полтора десятка лет сам же Ельцин лил крокодиловы слезы над прахом царской семьи. Типичный советский перевёртыш. И такой перевёртыш возглавил так называемую «новую Россию», предварительно предав и продав «старую», т. е. великую, Россию

– Советский Союз. Злорадство ястреба Бжезинского вполне объяснимо. Непобедимые русские сами сделали то, чего не смогли Наполеон и Гитлер, не говоря уж о всяческих Трумэнах.

Но повторимся: всё началось при Брежневe. Во второй период его правления правящий режим злокачественно переродился. И Горбачёв вырос тоже не из доброкачественного материала. Вспомнить его «ипатовский метод», когда сосредоточение сельскохозяйственной техники на одном участке использовалась не только для ускорения темпа жатвы, но и для сокрытия реально используемых посевных площадей и возгонки таким образом отчётных показателей. А уж продовольственная программа и подавно строилась по принципу «за два десятилетия кто-то умрёт – или я, или шах, или ишак». Безусловно, мастер саморекламы. Да и к Андропову – почти всесильному главе госбезопасности – прилепился умело. Как гласит индейская поговорка, из кривых ростков не вырастет прямого дерева. Однако самым страшным брежневским метастазом стал именно Ельцин. С его появлением в центре летальный исход для больной страны стал практически неотвратим.

Заметная часть перекосов и болезней брежневской эпохи спровоцирована усилиями Бжезинского. Прежде всего – в бытность его помощником по национальной безопасности президента Картера (1977–80).

Говорим «Картер», а в уме держим Бжезинского. Этот знатный русофоб формировал внешнюю политику Картера. Именно Бжезинский сублимировал комплекс польской неполноценности в агрессивные действия США в отношениях с СССР. Именно Бжезинский отказался от политики другого известнейшего стратега Генри Киссинджера⁸ – помощника по вопросам национальной безопасности президентов Ричарда Никсона (1969–74) и Джеральда Форда (1974–76). Киссинджер предписал избегать идеологических споров, не вмешиваться во внутренние дела советской сверхдержавы, максимально разрядить напряжение между двумя обкладками мирового конденсатора. Джимми Картер – с подачи Бжезинского – с самого начала вмешивался во внутренние советские дела. Он первым из президентов США публично усомнился в легитимности власти Советов в их родной стране. Он выделил огромные деньги на радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», утвердил финансирование контрабандной переправки в СССР подрывной литературы. Под предлогом радикального нарушения прав человека использовал экономические санкции. Запустил новые программы вооружения и тайные операции в странах третьего мира, чтобы противостоять действиям Москвы.

Если сравнивать варианты подрывных действий против нашей страны, то долговременный разрушительный эффект войны экономической сопоставим с ядерной. Если последствия ядерной войны, когда мир уничтожается в одночасье, сродни внезапной смерти, остановке сердца, инсульту, то экономическая война сродни раковому заболеванию. Она более пролонгированная и несёт мучительную гибель для страны. Но летальный исход, финал – один.

И, кстати говоря, когда Бжезинский обкатывал санкции против Советского Союза, тогда СССР был к ним более устойчив, потому что был более диверсифицирован в экономике. СССР отличался от постперестроечной России, которая поспешила отдаться всему и вся – МВФ, Всемирному банку и т. д., резво включившись в мировую капиталистическую систему, но лишь на её верхних этажах, финансово. В то время как свою опору – производственный фундамент – мы бездумно откинули. Мы почему-то не горели желанием позаимствовать у Запада технологии (чем, кстати, отличается Китай) и развивать собственное

⁸ Генри Киссинджер был Советником президента США по национальной безопасности в период с 1969 по 1975 гг., Госсекретарём США в 1973–1977 гг. Это был первый в американской истории случай, когда один человек занимал две этих должности одновременно.

производство. Да и Запад тоже относился «с пониманием» к такому поведению России и всячески поощрял разрушение нашей промышленности.

Мы сажались на «нефтяную иглу». Колонизаторы прошлого, приходя на острова к туземцам, успешно – особенно поначалу – меняли всякие стекляшки и бусы на золотые слитки. Постепенно туземцы осознавали цену своим товарам или со временем приближались к тому технологическому уровню, когда они эти стекляшки были способны делать сами. Мы же – ровно наоборот. Мы были в стадии, когда худо-бедно умели сами делать «стекляшки», и обмен с заграницей у нас был относительно адекватным.

Правда, для нашей страны иначе как парадоксальной не назовешь ситуацию, когда мы вынуждены были идти на обмен нефти на продовольствие, подобно Саддаму Хусейну. Это утвердилось при Брежневе, а началось при Хрущёве. Мы меняли нефть на продовольствие, шёл бартер, и к этому начал добавляться ширпотреб. Хотя были и шаги в экономике. Например, стоит упомянуть о косыгинской реформе, когда в числе прочего был построен АВТОВАЗ в Тольятти. Была целиком куплена технология, и мы до сих пор продолжаем выпускать эти теперь устаревшие модели (кое-что из их компонентов используется и в новых изделиях). А половина России до сих пор на этих авто ездит.

В кардиологии известен синдром, когда единственный кардиомиоцит (клетка сердечной мышцы), давая неверные сигналы, может у вполне здорового во всём организма вызывать тяжелейшие аритмии – зачастую с печальным для организма исходом. Такой клеткой в сердце американской политики оказался польский эмигрант Бжезинский. Патологическую ненависть к русским, построившим к 1960-м годам сверхдержаву, говорящую на равных с Америкой, он выплеснул в шаги американской политики. Руками Картера Бжезинский вновь разжёг пожар холодной войны. Американский экономист Джеймс К. Гэлбрайт позже скажет: «Для Бжезинского вредить России – это хобби».

Да, советское руководство – в лице Брежнева и Суслова – совершило немало бездарных, стратегически провальных, шагов. Например, линейное мышление советских руководителей экстраполировало успех ввода войск стран Варшавского договора (во главе с СССР) в Чехословакию в 1968 году на решение о вторжении в Афганистан в 1979 году. Но Афганистан – не Чехословакия. Да и само вторжение в Чехословакию было тактическим выигрышем и стратегическим проигрышем советской политики.

Тайные операции США в тот период зачастую невозможно отличить от тайных махинаций. Советская авантюра в Афганистане стала возможной не только в силу опрометчивости и недалёковидности многих членов Политбюро. Бжезинский нынче с удовольствием вспоминает: США начали финансировать и напрямую снабжать оружием силы, противодействующие тогдашней афганской власти, ещё весной 1979-го. У афганских правителей были несомненно уважительные причины просить советской помощи. Но лишь после ввода советских войск американская помощь стала открытой. Таким образом, у всего мира создалось впечатление: СССР вторгся в мирную страну, и её народ восстал против оккупантов.

Ловушку эту придумал именно Бжезинский (о чём долгие годы «скромно» умалчивал). Он же организовал и явную дезинформацию: мол, афганский руководитель Амин завербован американцами, и янки готовятся ввести свои войска в страну. Геронтократы из Политбюро купились на эту, в общем-то, нехитрую уловку. КГБ тоже выказал интеллектуальную недостаточность. В итоге Бжезинский переиграл Андропова. Афганистан на десятки лет ускорил конец Советского Союза.

Бжезинский достиг своей цели. Режим в СССР начал расшатываться. Брежнев в ответ, руками Андропова, стал закручивать гайки. Давление в котле начало подходить к красной отметке.

Вдобавок именно Бжезинский смог выстроить единый фронт США и Китая против СССР. Отец китайских реформ Дэн Сяопин признавал, что играет в американских интересах.

Но это были тактические интересы Америки – стратегически от альянса выиграл Китай. Смертельный удар Америки по могущественному северному соседу развязал руки Поднебесной.

Бжезинский в последних своих работах нехотя, но признаёт пагубность нарушения стратегического баланса в Евразии. Вот, например, его высказывание: «Ещё меня поражает, насколько много китайские лидеры знают о мире. А потом я вижу очередные дебаты кандидатов в президенты от республиканской партии...» Заканчивать свою фразу в интервью Бжезинский не считает нужным, но через некоторое время добавляет: «Республиканцы – это просто позор». В качестве руководящей модели американский стратег приводит фразу Дэн Сяопина: «Наблюдайте, сохраняя спокойствие, и обеспечьте безопасность наших позиций; управляясь с делами, сохраняйте спокойствие, скрывайте наши возможности и выжидайте, продолжайте оставаться в тени и никогда не претендуйте на лидерство».

В этом высказывании просматривается преемственность с традицией китайской стратегической мысли. В народе, кстати, есть поверье не выставлять ребёнка на люди, пока ребёнок совсем маленький и цветущий, чтобы «не сглазить». Не сглазить – это такая завеса. На самом деле – накопленная мудрость, потому что сосредоточение злых глаз заканчивалась тем, что в отношении субъекта могла быть проведена какая-то акция. Такого толка стратегии – но на государственном уровне – придерживается Китай. Дэн Сяопин учил именно тому, чтобы не высовываться, накапливать силу и раньше времени не будить страх и подозрения у соперничающих держав.

Кстати говоря:

Индия тоже по мере своего экономического роста старалась подчеркивать свою принадлежность к странам бедным, всего лишь на пути к развивающимся, хотя она, на самом деле, достаточно мощная индустриальная держава. И это тоже позволяло, не давая конкурентам спохватиться, продолжать получать экономические преференции.

Наша же стратегия ровно обратная. Это отрицание всякой разумной стратегии. Мы изо всех сил, в том числе включая наши информационные каналы (например, Russia Today), пугаем всех вокруг своей мощью. Да, мы пытаемся решать какие-то свои задачи, чтобы с нами считались и к нам не совались. Но в итоге всё получается ровно наоборот. Эштон Картер, министр обороны США, уже неоднократно озвучивал новые меры по нейтрализации, сдерживанию России, – и вот Европа выделяет новые финансы на модернизацию вооруженных сил. А ведь европейцы не горели желанием тратиться на военные приготовления.

Чего мы добились? Когда идёт экономическое противостояние, когда на чаше весов несоизмеримый экономический потенциал России и объединённого Запада, то рано или поздно количество перейдёт в качество. И произойдёт военно-технологический отрыв Запада от России. А это как раз то, чего мы пытаемся изо всех сил не допустить: делаем соответствующие тактические шаги, но стратегически мы повышаем вероятность возникновения этого отрыва. А, как известно, значительный отрыв, дельта военной силы, провоцирует соперника на применение этой силы. Поэтому в итоге получается, что ведем мы себя как слон в посудной лавке, вокруг которой к тому же бродит достаточное количество мамонтов. На поверку эта стратегия – непродуктивная, нерациональная, и, скажем прямо, опасная.

Вернемся к вездесущему и неутомному Бжезинскому. В последние годы мы видим: к нему пришло, наконец, понимание необходимости сохранения территориальной целостности России – особенно в её восточной части. Однако то ли недостаточность стратегического интеллекта, то ли маниакальная ненависть к русским заставляет его внушать американским президентам: не допускайте воссоединения Украины с остальной Россией. Комплекс, унаследованный от веков польско-русского противостояния, не допускает признания целостно-

сти России. А такова она только вместе с Украиной. И только такая Россия сможет сохранить Зауралье на стратегическую перспективу.

В своей книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис», вышедшей в конце января 2012-го, Бжезинский дал апокалиптический прогноз «отступающему Западу». Европейская часть Запада становится неким комфортабельным «домом престарелых». Ядро Запада – США – переживают экономический упадок и проявляют всё большую политическую несостоятельность. Стремительно нарастает стратегическая изоляция США. В то же время Китай – в стадии «стратегического терпения». Эти новые горькие реальности будут осознаны американским истеблишментом позже и соответственно войдут в его политическое целеполагание.

В своей книге Бжезинский, казалось бы, диаметрально меняет свой взгляд на Россию. Он даже призывает американских политиков повлиять на Европу с целью её тесной интеграции с Россией и Турцией. Разительная перемена во взглядах вполне объяснима. Бжезинский – всё ещё серьёзный геостратег – не может не понимать: уравновесить китайскую мощь в Евразии может только альянс угасающей Европы со стремительно укрепляющейся Турцией и сохраняющей ядерную мощь Россией.

Бжезинский скептически оценивает стратегическое мышление как нынешних, так и будущих американских руководителей. В первую очередь, считает он, нужно выправить ситуацию с американской экономикой. Он настаивает: «Если США не наведут у себя порядок, их ждёт крах на международной арене. Если мы восстановимся, мы можем избежать международного краха, но нам придётся постараться и действовать умно. Однако если положение дел внутри страны останется прежним, на международной арене у нас не будет ни единого шанса, как бы мы правильно себя ни вели... Мы [американцы] слишком одержимы настоящим. Если мы скатимся до того, что будем думать только о нём, мы начнём реагировать на вчерашние вызовы вместо того, чтобы делать нечто более конструктивное». Бжезинский в очередной раз сравнивает мышление американских политиков с мышлением китайских руководителей и приходит к выводу: китайцы – в отличие от своих американских коллег – думают на перспективу в десятки лет. Это и есть стратегическое мышление.

Насколько силен в стратегических построениях сам Бжезинский, можно проиллюстрировать на примере нескольких его известнейших книг. Так, в 1997 в известной книге «Великая шахматная доска» он писал:

«США не только **первая и единственная сверхдержава** в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и **последняя**». В дополнение к этому он утверждал, что **«свыше 30 лет** вряд ли кто-либо будет оспаривать статус Америки как первой державы мира».

Для сравнения приведем высказывание ещё одного признанного американского стратега Генри Киссинджера. В том же 1997 году в книге «Дипломатия» он констатировал:

«Окончание холодной войны создало ситуацию, которую многочисленные наблюдатели называют **“однополюсным”** или **“моносверхдержавным”** миром. Но Соединённые Штаты на деле находятся **не в столь блестящем положении, чтобы в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность**. Америка добилась большего преобладания, чем десять лет назад, но по иронии судьбы сила её стала более рассредоточенной. Таким образом, способность Америки воспользоваться ею, чтобы изменить облик остального мира, на самом деле уменьшилась». Также он подчеркивал, что **«действительно новым в возникающем мировом порядке является то, что Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нём»**.

Таким образом, уже через несколько лет после резкой смены структуры мира гораздо более проницательный стратег Киссинджер сформулировал выводы, к которым Бжезинский сумел прийти только в начале 2010-х годов. Стратегическому дару Генри Киссинджера мы посвятили в этой книге отдельную главу.

Однако вернемся к нашему «стратегическому тактику»⁹. В июне 2003 года в предисловии к книге «Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство» Бжезинский продолжал констатировать, что «нет никакой реальной альтернативы торжеству американской гегемонии и роли мощи США как незаменимого компонента глобальной безопасности», и «именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится».

Ещё через четыре года, задаваясь вопросом, «будет ли у Америки ещё один шанс» (на глобальное лидерство. – Прим. Н. Л.), уверенно отвечал: «Безусловно. В значительной мере это так, потому что ни одна, ни другая сторона не способна играть роль, которую потенциально способна играть Америка и которую она должна играть. Европе всё ещё не хватает необходимого политического единства и воли, чтобы быть глобальной державой. Россия не может решить, хочет ли она быть авторитарным империалистическим, социально отсталым евразийским государством или действительно современной европейской демократией. Китай быстро поднимается как доминирующая держава на Дальнем Востоке, но у него есть противник, которым является Япония, и всё ещё не ясно, каким образом Китай разрешит основное противоречие между свободным экономическим развитием и бюрократическим централизмом его политической системы. Индия ещё должна доказать, что она сможет сохранить единство и демократию, если её религиозное, этническое и лингвистическое многообразие станет для неё политическим бременем¹⁰».

Ещё через пять лет в книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» Бжезинский констатирует, что пришло «осознание новой геополитической реальности: смещения центра тяжести мировой власти и экономического динамизма с атлантического региона на тихоокеанский, с Запада на Восток», а «между Советским Союзом на закате его дней и Америкой начала XXI века действительно наблюдается тревожное сходство».

Также своим «стратегическим взглядом» Бжезинский замечает, что «предпосылки к реактивному взлёту Китая на вершину мирового Олимпа к первому десятилетию XXI века нужно искать в далёком прошлом с борьбы за национальное обновление, начатой более века назад молодыми китайскими интеллектуалами националистами и несколько десятилетий спустя завершившейся победой китайской компартии».

Что же помешало ему разглядеть эти предпосылки раньше?

Быть может, провозглашая США «первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавой», «верноподданные льстецы недооценили, сколь переменчива может быть история». Последняя цитата про льстецов – не наша оценка. Это слова самого Бжезинского из введения к книге «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы». Для понимания контекста приведем фрагмент текста, к которому эта цитата относится, целиком:

«Самочинная коронация президента США в качестве первого глобального лидера была историческим моментом, хотя и не отмеченным особой датой в календаре. Произошло это вслед за развалом Советского Союза и прекращением холодной войны. Американский президент просто

⁹ Так мы и далее будем называть пана Бжезинского, чтобы постоянно не закавычивать ироническую дефиницию «великий стратег».

¹⁰ Бжезинский Збигнев. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., Международные отношения, 2010. Книга была написана Бжезинским ещё в 2007 году.

начал действовать в своем новом качестве без всякого международного благословения. Средства массовой информации Америки провозгласили его таковым, иностранцы выразили ему своё уважение, и визит в Белый дом (не говоря уже о Кэмп-Дэвиде) стал апогеем в политической жизни любого иностранного лидера. Поездки президента за границу приобрели все имперские атрибуты, затмевающие по своим масштабам и мерам безопасности выезды любого другого государственного деятеля.

Эта коронация де-факто была менее импозантной и, тем не менее, более значительной, чем ближайший исторический прецедент подобного рода – провозглашение в 1876 году британским парламентом королевы Виктории императрицей Индии. На блистательной церемонии, проведенной через год после этого в Нью-Дели и ставшей событием, символизирующим уникальный мировой статус Великобритании, присутствовали, как об этом было официально объявлено, «князья и представители высшей администрации и индийской знати, в лице которых величие прошлого соединялось с процветающим настоящим и которые столь достойно служили величию и стабильности великой империи». С тех пор выражение «солнце над Британской империей никогда не заходит» стало гордым рефреном преданных служителей первой глобальной империи.

Увы, верноподданные льстецы недооценили, сколь переменчива может быть история. Руководствуясь больше имперской спесью, чем историческим предвидением, Британская империя менее чем за четверть века запуталась в саморазрушительном и происходившем далеко от неё конфликте. Две последовавшие одна за другой англо-бурские войны, которые дискредитировали «либеральную» Британскую империю, дали Гитлеру образец концентрационных лагерей и тюрем для пленных на отдаленных островах, принадлежащих Великобритании, вовлекли британскую армию в затяжную партизанскую войну и привели к политическому расколу и финансовой напряженности в самом центре империи. Затем последовали две опустошительные и изматывающие мировые войны, и вскоре после этого великая империя стала всего лишь младшим партнером занявших её место Соединённых Штатов Америки».

Остановимся и рассмотрим более детально самые крупные просчёты «великого стратега» Збигнева Бжезинского.

Глава 2. Мироустройство после последней истинно мировой сверхдержавы

Китай на великой шахматной доске: «не мировая, но региональная держава»

В книге «Великая шахматная доска» в 1997 году стратегический тактик Бжезинский предупреждает: «Весьма маловероятно, что к 2020 году даже при наиболее благоприятном стечении обстоятельств Китай станет по ключевым показателям действительно мировой державой». Он видит для Поднебесной перспективу «стать доминирующей региональной державой в Восточной Азии».

На чём основан такой прогноз? С одной стороны, Бжезинский оговаривается, что на момент написания книги ему известны «традиционные» многообещающие прогнозы в отношении Китая, согласно которым «в течение примерно двух десятилетий “Срединное королевство” станет мировой державой, равной Соединённым Штатам и Европе (при условии, что последняя и объединится, и ещё более расширится)». По словам Бжезинского, статистическая основа таких прогнозов базируется на темпах экономического развития Поднебесной и масштабах иностранных капиталовложений в Китае. В интерпретации американского стратега дальнейшее развитие событий в большинстве прогнозов сводится к тому, что экономический импульс позволит Китаю приобрести военную мощь такого уровня, что он станет угрожать как соседям, так и даже географически более удалённым странам и «превратится не только в господствующее государство Дальнего Востока, но и в мировую державу первого ранга».

С подобного рода прогнозами Бжезинский не соглашается: «Китай: не мировая, но региональная держава» – именно такой тезис вынесен в название одного из разделов книги.

По мнению Бжезинского, подобные предсказания содержат упущения, из которых выделяется «механическая зависимость от статистического прогноза»: та же ошибка в своё время была допущена теми, кто прогнозировал, что Япония обгонит США по экономическим показателям (в тот момент весьма обнадеживающим) и станет новой сверхдержавой. Однако эти аналитики не учитывали несколько важных факторов (экономические уязвимости, отсутствие непрерывности в политике). Призывая отойти от линейного мышления в оценке экономических показателей и не повторять ошибку с переоценкой Японии теперь в случае с Китаем, Бжезинский, по сути, линейно экстраполирует опыт Японии на Китай: раз у Японии не получилось, у Китая тоже вряд ли получится.

В подтверждение своей позиции он выделяет три фактора, из-за которых «Китай в действительности вряд ли скоро поднимется до мировой державы»:

1) Экономический: проблематичность сохранения невероятно высоких темпов экономического роста, возможного при сочетании эффективного руководства, политической стабильности, сохранения высокого уровня иностранных капиталовложений и региональной стабильности, социальной дисциплины, высокого уровня накоплений.

2) Политический: необходимость избегать серьёзных политических кризисов, вызванных проблемой передачи власти от нынешней команды правителей более молодому поколению и проблемой урегулирования растущего противоречия между экономической и политической системами страны.

3) Социальный: бедность населения.

Среди факторов риска для развития Китая Бжезинский выделяет рост энергопотребления в стране столь стремительными темпами, что они намного превышают возможности внутреннего производства. Несмотря на снижение рождаемости, численность населения продолжает расти, и потому зависимость от импорта продовольствия не только увеличивает нагрузку на экономические ресурсы Китая из-за более высоких цен, но и делает страну более уязвимой к внешнему давлению.

Ещё одним источником проблем для Китая может стать неизбежно неравномерный характер ускоренного экономического роста, который в значительной степени обеспечивается неограниченным использованием преимуществ прибрежного государства. В первую очередь преуспели южные и восточные районы Китая. В то же время сельскохозяйственные районы, расположенные в глубине страны, значительно отстали в развитии: число безработных сельскохозяйственных рабочих там – порядка 100 млн человек).

В дополнение к неравномерному развитию различных районов Бжезинский выделяет социальное неравенство, растущее по мере экономического развития Китая. В какой-то момент оно может оказать негативное влияние на политическую стабильность в стране.

Тот факт, что, по некоторым западным оценкам, в середине 90-х годов на военные нужды шло около 20 % ВВП Китая, побуждает Бжезинского вспомнить гонку вооружений. По его трактовке, если затраты Китая на военную сферу будут чрезмерными, они могут так же негативно повлиять на экономический рост Китая, как неудачная попытка СССР конкурировать в гонке вооружений с США повлияла на советскую экономику. Кроме того, в ответ на обильные вливания Китая в военную сферу активно вооружаться начнёт Япония, которая тем самым «сведёт на нет политические преимущества растущего военного совершенства Китая».

На аргумент, касавшийся сомнений в экономической устойчивости Поднебесной, Бжезинский сам себе ответил через 15 лет¹¹: «Учитывая недавние успехи Китая и его **исторические достижения**, было бы опрометчиво рассчитывать, что китайская экономика может внезапно забуксовать. Ещё в 1995 году некоторые выдающиеся американские экономисты высказывали предположение, что к 2010 году Китай может оказаться в такой же финансовой яме, как и Советский Союз тридцатилетней давности после фантазмагорических обещаний руководства в 1960-х, что к 1990-м страна догонит и перегонит Америку. Сейчас даже для **закоренелых скептиков** очевидно, что экономический взлет Китая – не фикция и имеет все шансы продолжиться, хотя, возможно, со снижением темпов годового прироста».

Но вернёмся в 1997 год. Вторым поводом для скепсиса в отношении прогноза о превращении Китая в доминирующее на мировой арене государство Бжезинский называет политическое развитие Китая, которое окажется под угрозой из-за противоречия между экономической открытостью и сравнительно «замкнутой и бюрократически жесткой коммунистической диктатурой». С одной стороны, политическая элита продолжает заявлять о своей верности догме, которая как бы оправдывает её власть, с другой – в социальном плане эта догма не реализуется. В какой-то момент это также приведёт к серьёзной конфронтации.

По прогнозу Бжезинского, «необходимость демократизации будет всё в большей степени преследовать Китай»: вопросы прав человека и демократии неизбежно встанут однажды во весь рост. Будущее Китая зависит от того, как правящая элита справится с нетривиальными задачами, требующими большого профессионализма и виртуозности. Для осуществления контролируемой демократизации политическая элита Китая нуждается:

- в умелом руководстве;
- в прагматическом здравомыслии;
- в сохранении единства;

¹¹ В книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис»

- в готовности и желании уступить часть своей монополии на власть.

Население при этом должно быть терпеливым и не очень требовательным. По оценке Бжезинского, такого сочетания невероятно трудно добиться в реальности: требования демократизации снизу, как правило, значительно опережают готовность властей идти на компромиссы. «Таким образом, едва ли Китаю удастся избежать этапа политической нестабильности», — делает вывод Бжезинский.

Третьей причиной для скепсиса Бжезинский называет бедность Китая по сравнению с другими государствами. Даже при увеличении ВВП в 3 раза страна всё равно останется в последних рядах среди всех стран мира.

«Геостратегическая адаптация Америки»

По мнению Бжезинского, «распространённая житейская мудрость, что Китай — это следующая мировая держава, рождает паранойю по поводу Китая и способствует развитию в Китае мании величия. Страхи перед агрессивным и антагонистическим Китаем, которому суждено вскоре стать ещё одной мировой державой, в лучшем случае преждевременны, а в худшем — могут стать самоосуществляющимся предсказанием». Американский стратег исходит из того, что создание коалиции, противодействующей превращению Китая в глобальную державу, приведёт к противоположным результатам. С уверенностью можно сказать, что такой Китай стал бы враждебным. Ухудшились бы отношения американцев и японцев, поскольку последние наверняка не поддержали бы такую коалицию.

Бжезинский выступает за взаимодействие с Китаем как с глобально важным действующим лицом, поскольку считает, что «Китай в действительности вряд ли скоро поднимется до мировой державы». Амбиции Китая могут быть удовлетворены путём активного вовлечения Поднебесной в международное сотрудничество (например, в «Большую семёрку», поскольку «Россию тоже пригласили туда»).

Большой Китай Бжезинский характеризует как региональную доминирующую державу, которая может предпринимать попытки оказывать на соседние государства дестабилизирующее воздействие или может ограничиться более косвенным воздействием (по примеру того, как это уже происходило в китайской истории). Пойдёт ли речь о гегемонии или об уважении — зависит от того, насколько авторитарным будет оставаться китайский режим, и от того, как на появление Большого Китая отреагируют «ключевые действующие лица, а именно Америка и Япония».

«Потенциально самым опасным сценарием» Бжезинский называет создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и Ирана, которые объединяются не по идеологическому принципу, а на основе взаимодополняющих обид. Подобное развитие событий по масштабу может напомнить проблему, которая была создана после создания китайско-советского блока. Но в этот раз лидером будет Китай, а Россия — ведомой стороной.

Бжезинский уверен, что у китайцев на самом деле нет стратегического выбора: экономическое процветание страны зависит от доступа к западным рынкам, технологиям и капиталу. Союз с «обнищавшей Россией» не способен дать Китаю новых перспектив — а для России этот союз возможен лишь в формате подчинения. Пан Збигнев убежден, что этот геостратегический расклад не реалистичен, хотя тактически как Китай, так и Россия подвержены соблазну поиграться с этой идеей. По оценке Бжезинского, коалиция россиян одновременно с китайцами и иранцами «может возникнуть только в том случае, если Соединённые Штаты окажутся настолько недалёковидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно».

«Китай, даже если ему удастся сохранить высокие темпы экономического роста и не утратить внутривластную стабильность (и то и другое сомнительно), станет в лучшем

случае региональной державой, потенции которой по-прежнему будут лимитироваться бедностью населения, архаичной инфраструктурой и отсутствием универсально притягательного образа этой страны за рубежом», – это уже фрагмент из книги «Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство», написанной в 2003 году.

В 2007 году Бжезинский всё ещё не готов признать в Китае глобального игрока. Более того, в одном ряду с Китаем американский стратегический тактик неоднократно упоминает Японию: «Китай быстро поднимается как доминирующая держава на Дальнем Востоке, но у него есть противник, которым является Япония, и всё ещё не ясно, каким образом Китай разрешит основное противоречие между свободным экономическим развитием и бюрократическим централизмом его политической системы». В другом месте: «финансовый кризис в Азии заложил основу для возникновения восточноазиатского регионального сообщества, характер которого будет определяться либо доминирующей ролью Китая, либо конкуренцией между Китаем и Японией».

О дивный новый многополярный мир: стратегическое прозрение

С момента выхода книги «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» до появления «Стратегического взгляда...» прошло менее пяти лет, но оценка Бжезинским ключевых вопросов изменилась кардинально: уже с первых страниц великий стратег всерьёз задаётся вопросом: отберёт ли Китай у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году? Он признаёт, что на момент написания книги «мало кто видит Евросоюз серьёзным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом».

Что же успело измениться? Неужели дальновидный стратег Бжезинский проспал возникновение многополярного мира? Он ещё во введении отмечает, что нынешнее положение США – непростое и тезис об их упадке становится «интеллектуально модным». Тем не менее, такого рода пессимизм не является новым. В течение XX века, который, по мнению великого стратега, справедливо называют «веком Америки», имело место несколько моментов, когда у скептиков возникало беспокойство относительно её безоблачного будущего. Примеры: запуск спутника СССР («американцы стали волноваться за свои перспективы как в мирном, так и в стратегическом противоборстве»); Вьетнам, когда, по утверждению Бжезинского, «советские лидеры с уверенностью предсказали крах Америки».

Были не только скептики, но и безудержные оптимисты. Они появились после 1991 года, когда стало казаться, что «как и двадцатый, двадцать первый век предназначен быть американским». Им вторила академическая среда, предсказавшая «конец истории» (Ф. Фукуяма. – Прим. С. Т.) и провозгласившая победу одного типа общественного устройства (западного) над другим. «Победа либеральной демократии была названа не только решающей, но и финальной. Очевидность того факта, что либеральная демократия расцвела именно на западе, подразумевала под собой предположение, что отныне Запад будет определять стандарты для всего мира».

Тем не менее этого не произошло. Культура самоудовлетворения и дерегулирования, получившая начало при Клинтоне и продолжение при Буше-младшем, привела сначала к краху фондовой биржи на рубеже веков, а затем, десятилетие спустя, к полномасштабному финансовому кризису. Дорогостоящий унилатерализм президента Буша-младшего повлёк за собой десятилетие войны на Ближнем Востоке и крушение американской внешней политики в целом. Финансовая катастрофа 2008 года практически ввергла мир в несущую бедствия экономическую депрессию, что потрясло Америку и большую часть Западного мира, признавшего собственную системную неспособность к противостоянию неконтролируемой

жадности. В Китае же и других странах Азии удивительная амальгама экономического либерализма и государственного капитализма продемонстрировала удивительную способность к экономическому росту и техническим инновациям. Всё это породило новые беспокойства по поводу статуса Америки как ведущей мировой державы.

Если к Бжезинскому прозрение пришло только к 2012 году, то, например, известнейший немецкий историк Эрик Хобсбаум ещё в марте 2005 года, характеризуя роль США в мире, придерживался следующей позиции: «Сегодня у нас есть одна сверхдержава, пытающаяся навечно закрепить за собой мировое господство и обречённая в этом на неудачу, ибо нет никакой вероятности, что это удастся – ввиду полного отсутствия исторических прецедентов, ограниченности её собственных ресурсов и того факта, что в наши дни, когда глобальная экономика вообще не может контролироваться ни одним государством, государственная власть в принципе ослаблена влиянием экономических субъектов, не имеющих к государству никакого отношения, не говоря уже о том, что тенденция смещения мирового центра масс от севера Атлантики на юг и восток Азии видна уже невооруженным глазом».

Бжезинский сравнивает положение нынешних США с ситуацией, в которую попал СССР накануне своего распада. Советский Союз со своей государственной системой, день ото дня становившейся всё более закостенелой и всё более неспособной к принятию серьёзных политических решений, в сущности, «сам обанкротил себя, выделив чрезмерно большой процент своего ВВП на многолетнее военное соперничество с США и потратив не менее существенную сумму на попытку покорить Афганистан длительностью в десять лет, что ещё более усугубило ситуацию». Про роль Бжезинского во втягивании СССР в «афганскую ловушку» мы уже упоминали и подробнее рассмотрим эту «ловушку» ниже.

«Неудивительно, что он не смог выдержать конкуренции с США в области передовых технологий и в итоге остался далеко позади». Его экономика дала сбой, качество жизни общества серьёзно ухудшилось по сравнению с западным, а правящий класс стал в вопросе углубляющегося социального неравенства цинично нечувствительным, лицемерно при этом маскируя собственный привилегированный образ жизни (срисовано как будто с натуры, причём сегодняшней. – Прим. Н. Л.). Наконец, Советский Союз становился всё более изолированным во внешней политике, погрязая, вдобавок во всё более глубокой и геополитически вредоносной вражде по отношению к коммунистическому Китаю, некогда бывшему главным союзником в Евразии.

Таким образом, «даже будучи преувеличенными, эти параллели подтверждают мысль о том, что Америке необходимо обновление и обретение всеобъемлющего и долгосрочного геополитического видения, реагирующего на вызовы, которые несёт в себе изменение исторического контекста». Только обладающая стратегическим чутьём Америка, вместе с объединённой Европой, сможет продвигать образ более широкого и более жизнеспособного Запада, способного стать партнёром для растущего и становящегося всё более напористым Востока. В противном случае, разделённому геополитически и эгоистичному Западу грозит историческое забвение, которое будет напоминать унижительное бессилие, характерное для Китая в XIX веке. При том, что Восток может подвергнуться соблазну воспроизвести разрушительное противостояние, имевшее место в Европе на протяжении XX века.

Последняя мысль является ключевой и будет повторяться далее в ходе всей книги. Отметим, что в это гипотетическое противостояние наверняка будет вовлечена азиатская часть России, богатая ресурсами, но практически (по сравнению с Китаем) незаселённая.

Бжезинский многократно возвращается к положению, в котором оказался современный Запад. «Западный мир ещё существует, но период его мирового господства закончен». Таким образом, альянс стран Западной Европы с Америкой предстаёт воистину жизненной необходимостью. «Поведение Америки за рубежом будет определять место и роль Запада в новом объективном и субъективном глобальном контексте».

«Исторический упадок Америки может подорвать уверенность в себе Европы и, как следствие, её международное влияние. Это приведёт к тому, что в потенциально более спокойном мире она может остаться одна. Европейский союз – с его стареющим населением, низкими показателями рождаемости, долгами, превосходящими даже американские вкупе с недостатком – на этой исторической стадии – единых европейских амбиций для того, чтобы действовать как подобает ведущей силе – вряд ли окажется более привлекательным в роли, которую сейчас играет Америка». Для других регионов европейская модель может попросту оказаться бесполезной. Слишком богатый для того, чтобы стать примером для бедных, она привлекает мигрантов, но не вызывает желания быть скопированной. «Слишком самодовольная, Европа ведёт себя так, будто её целью является стать домом для престарелых для всего мира. Слишком закостенелая в выборе своего пути, она боится мультикультурного разнообразия». Напрашивается реплика: сначала США «разворошили» это мультикультурное разнообразие (Ливия, Сирия и последовавшая за ними проблема беженцев, до этого – Косово), а затем испугались.

Бжезинский уверен: с одной стороны мы имеем геополитический Запад, уже отошедший от активного участия в сохранении глобальной геополитической стабильности, в то время как новой мировой иерархии, идущей ему на смену, не хватает согласованности и общего взгляда на будущее, но хватает кризисов и разрастающегося политического экстремизма. Парадоксально, но факт: в этих условиях возрождение Америки становится важным как никогда.

С другой стороны, «успешная попытка США расширить пределы Запада сделает их наиболее стабильным и демократическим районом мира, будет сочетать мощь с принципиальностью. Объединённый широкий Запад, простирающейся от Северной Америки через Европу до Евразии и включая Россию, а также Турцию, географически мог бы достичь Японии – первого успешного демократического государства в Азии, как и Южную Корею. Это широкое объединение увеличит привлекательность демократии для других культур и стимулирует постепенное появление в течение следующих десятилетий различных форм универсальной демократической политической культуры». Так произойдёт складывание единого мира.

Для того чтобы успешно действовать и в западной, и в восточной части Евразии, Америка должна в будущем играть двойную роль. «Она должна быть покровителем расширенного Запада, и при этом гарантом его единства, параллельно являясь посредником и миротворцем во взаимоотношениях между ведущими государствами Востока».

На Западе США, пользуясь тесными связями с Европой и влиянием международных организаций (ООН и НАТО) должны не только обеспечить постепенное сближение Европы с Россией и Турцией, для чего должно расширяться сотрудничество между «Веймарским треугольником» – Германией, Францией и Польшей – то есть странами, которые должны стать проводниками новой «восточной политики». Основной её идеей может стать «историческое примирение» России и Польши, наподобие того, что произошло между Германией и Францией (Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром) после Второй мировой войны. «Такой процесс должен быть повторён в случае взаимоотношений России и Польши», и однажды он даст позитивные результаты в международных отношениях. Польша может сыграть не только ключевую роль в открытии дверей Европы для России, но и вдохновить Украину и Белоруссию на движение в том же направлении, тем самым увеличивая интерес России в движении в том же направлении.

Но в случае неудачи Америки в деле создания «широкого Запада» последствия неизбежны. «Могут пробудиться старые европейские исторические обиды, возникнут новые конфликты интересов... Россия сможет использовать свои энергетические активы для разобщения западных стран и, осмелев, сможет быстрее покорить Украину, возродив имперские

амбиции и посодействовав расширению международного беспорядка. Отдельные государства пассивной разобщённой Европы в поиске коммерческих возможностей начнут искать с Россией сближения. Можно представить сценарий, в котором на основе экономических интересов развиваются особые взаимоотношения между Россией и Германией или Италией. Великобритания, реагируя на кризис в конфликтном союзе, сблизится с Соединёнными Штатами. Возможно сближение Великобритании с Францией, ведь обе эти страны будут смотреть на Германию искоса. Дополнительные гарантии безопасности у США могут потребовать страны Прибалтики и Польша»¹². Такой Запад конкурировать с Китаем не сможет.

Помощь единой Европы будет необходима США в случае обострения отношений с Китаем, которое может принять характер взаимного разрушительного идеологического конфликта. «Америка может заявить, что успех Китая основывается на тирании и вредит её экономическому видению. Китай может интерпретировать это как попытку подорвать и фрагментировать китайскую систему. В то же время Китай всё активнее будет изображать из себя борца с господством Запада, объединяя эту идею с эпохой эксплуатации слабых сильными и идеологически апеллируя к странам третьего мира, уже воспринявшим историческую идею враждебности по отношению к Западу в целом и Америке в частности».

Но это не выгодно ни тем, ни другим. США могут быть посредником («Посредников просьба не беспокоить!» – Прим. С. Т.) в азиатских делах, помогая избегать конфликтов в борьбе за региональное господство и урегулировать отношения между такими старыми противниками, как Китай и Япония по модели того, как это делала Великобритания в Европе XIX века. «Это подразумевает уважение к Китаю и его особой исторической и геополитической роли для поддержания стабильности на Дальнем Востоке. Вовлечение Китая в серьёзный диалог по региональной стабильности не только снижает возможность возникновения американо-китайского конфликта, но и снижает возможность конфликтов между Китаем и Японией, Китаем и Индией и, при определённых раскладах, между Китаем и Россией за ресурсы и статус государств Центральной Азии. Таким образом, наличие США, как посредника в Азии, выгодно самому Китаю». Наивно – Китай уже вырос из детских штанишек и вполне освоил искусство глобальной политики, предпочитая «работать» без посредников.

Долгосрочные перемены в вопросе распределения мировой силы сигнализируют о том, что США нужно позаботиться о том, чтобы сделать геополитику в Евразии более стабильной и нацеленной на сотрудничество. Как же это планируется осуществить? Начинает Бжезинский с Запада, отмечая следующее: «На Западе Европейский союз не смог использовать годы “единой и свободной Европы” для того, чтобы сделать Европу по-настоящему единой и гарантированно защитить её свободу. Союз монетарный не стал заменой политическому единству... Общеэкономические трудности, обострившиеся после 2007 года особенно в южной Европе, показали, что политическое и военное единство Европы является иллюзорным. Европа, какое-то время являвшаяся центром западного мира, стала лишь продолжением Запада, ключевым игроком которого является Америка».

Хотя сохраняется видимость единства, каждая из европейских «великих держав» проводит собственную политику. «Великобритания держится за свои особые взаимоотношения с США и за свой особый статус в ЕС. Франция, завидующая Германии, возвышающейся в роли главной силы Европейского союза, также пытается найти особую роль для себя, пытаясь разделить бразды правления с США, Россией или Германией, не забывая при этом о лидерстве в весьма аморфном Средиземноморском союзе. Германия всё больше увлекается взглядами эпохи Бисмарка – особыми взаимоотношениями с Россией. Это естественно

¹² Устами педалирующего антироссийские страхи Бжезинского требуют постоянно. Особенно после начала украинского кризиса.

пугает жителей Центральной Европы, что заставляет их развивать более тесное сотрудничество в области безопасности с Соединёнными Штатами». В отношении Германии оценки пана Бжезинского справедливы с большой натяжкой, да и то при канцлерах Шмидте и Шрёдере, в какой-то степени – при Коле. И совсем не отражают происходящего во время пребывания на посту канцлера фрау Меркель.

«Все европейские страны действуют лишь в интересах собственной безопасности, или, на худой конец, в интересах коллективной безопасности в рамках НАТО. К тому же их население, как взрослое, стареющее стремительно, так и молодое, заботится скорее о собственной социальной защищённости, чем о национальной безопасности», – заключает Бжезинский.

Другой вывод, к которому приходит американский стратег, ещё ошеломительнее. «В границах ЕС может возникнуть чехарда в связи с установлением особых взаимоотношений между Россией и Германией (у страха глаза велики. – Прим. Н. Л.), которые основываются на несомненной привлекательности модернизирующейся России для её бизнес-элиты (как, впрочем, и итальянской, а также бизнес-элиты других стран). Таким образом, Европейский союз стоит перед перспективой углубления геостратегического раскола между ключевыми государствами, привлечёнными возможностью установления привилегированных экономических и политических отношений с Россией». Это напоминает конфигурацию 1890-х годов, когда немецкие компании поставляли в Россию свою промышленную продукцию, французы разрабатывали российские концессии на строительство железных дорог, а император Александр III и сменивший его Николай II заключали дипломатические союзы то с Германией, то с Францией.

Если раскол произойдёт, это будет весьма печально, ведь «Европейское сообщество имеет великолепный и уже продемонстрированный потенциал для проведения демократических перемен и социальной трансформации европейского востока». Расширение Европейского союза за счёт Центральной Европы (которую во времена холодной войны обычно называли Восточной Европой) уже повлекло далеко идущие институциональные и инфраструктурные реформы в регионе, особенно в Польше, дав становящийся всё более привлекательным пример для Украины и Белоруссии». В своё время европейский пример может оказать по-настоящему убедительное и преобразующее влияние как на Турцию, так и на Россию, особенно если геополитически более активная Европа, вместе с Америкой, поставят себе долгосрочную задачу включить их в более широкое и более жизнеспособное пространство западного сообщества. Таким образом, ЕС должен стать более привлекательным для России. Более подробно об этом – ниже.

«Таким образом, вопрос “где Европа окажется через тридцать лет?” в геополитическом смысле напрямую связан с тем, какими будут взаимоотношения Европы с географическим Востоком, и этот вопрос должны задать себе и Европа, и Америка. Где должны пролегать восточные границы “широкой” Европы и, соответственно, Запада? Какую роль могут играть Турция и Россия, если они действительно собираются стать его частью? И наоборот – каковы будут последствия для Европы и Америки, если Турция и Россия из-за **европейской предубеждённости и американской пассивности** останутся вне Европы и вне пределов Запада?»

Как интересно сформулировано: европейская предубеждённость и американская пассивность. Разве не наоборот?

Запад в рецессии

Бжезинский отмечает, что признаки упадка Запада на протяжении последних десятилетий оказались хорошо замаскированы. Более того, в какой-то момент в течение 90-х годов

стало казаться, что западный мир, отыгравшись, сможет добиться исторической победы¹³. Двадцать лет спустя всё развернулось на 180 градусов – уже «мало кто ожидает, что ЕС в скором времени опять вернётся на ведущие позиции, исключительность США как ведущей державы также кажется неочевидной».

Одна из глав книги посвящена историческому механизму возникновения мировой державы. По сути, Бжезинский даёт краткое изложение истории складывания «атлантического Запада» и его втягивания в блоковое противостояние с Советским Союзом, сумевшим в течение XX века стать альтернативной западному миру точкой притяжения для многих других стран. Главная мысль заключается в том, что после развала Советского Союза миру снова стало казаться, что наступает эра глобального господства Запада.

«Казалось, что атлантический Запад, состоящий из союза объединяющейся Европы с Соединёнными Штатами – на тот момент единственной военной сверхдержавой в мире и страной, обладающей наиболее богатой и способной к инновациям экономикой – в начале XXI века был готов к новой эпохе глобального господства». Бжезинский отмечает, что, несмотря на тяжёлое противостояние с СССР, Западу удалось создать финансово-экономическую основу для такого превосходства – Мировой банк, МВФ и ООН – что давало, в общем, повод быть оптимистами. «К концу холодной войны Америка и западный мир ассоциировалась с такими привлекательными для всех принципами, как человеческое достоинство, свобода и процветание».

Рассуждая о том, как Америка стала лидером западного мира, Бжезинский справедливо отмечает, что США вышли на авансцену после двух мировых войн, потеснив традиционные европейские колониальные империи (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Португалия). США, поддерживая союзнические отношения со странами, не поддерживали их колониализм. Так, президент Рузвельт в ходе Второй мировой войны заявлял, что «восстановление Европы не означает восстановления колониальных империй».

Хотя при этом Бжезинский отмечает, что сам Рузвельт в своих методах мало чем отличался от других политиков своей эпохи, что подтверждает, например, разговор с послом Великобритании в США Лордом Галифаксом в 1943 году по поводу раздела нефтяных районов Ближнего востока: «Персидская нефть – ваша. Нефть Ирака и Кувейта мы разделим. Что касается Саудовской Аравии – она наша».

Но распад колониальной системы был связан не только с заявлениями Рузвельта, но и с общим процессом деколонизации и обретением независимости молодых наций от метрополий. Процесс получил начало после Второй мировой войны. «Национальное освобождение стало их боевым лозунгом, а идеологическая и военная поддержка Советского Союза делала попытки репрессий слишком дорогими. Новая политическая реальность заключалась в том, что распад старых колониальных империй европоцентричного Запада был неизбежен».

С течением времени новые государства стали играть всё более весомую роль в международных делах. Это породило новую систему международных отношений. «Финансовый кризис конца 2007 года показал – для того, чтобы справиться с новыми международными вызовами, потенциала одной лишь мировой сверхдержавы недостаточно. Недостаточно и потенциала всего Запада. Необходим потенциал других государств – тех, что до недавнего времени считались недостаточно способными принимать участие в мировом процессе принятия решений».

Говоря проще, потенциал этот можно было найти только в странах третьего мира. Символическим окончанием процесса, начавшегося с деколонизации «великих держав» Европы и закончившегося тем, что новые молодые страны (Азии и Южной Америки) заявили о себе,

¹³ В оригинале – «Might stage a historical comeback»; comeback – спортивный термин, обозначающий победу в проигрываемом матче.

по мнению Бжезинского, стала трансформация G-8 в G-20, которая до 2008 года не провела ни одного саммита на высшем уровне (а затем стала делать это регулярно).

Таким образом, установление господства США на евроатлантическом пространстве, сопровождавшееся крахом колониальных империй Британии и Франции, совпало с другим процессом – складыванием сообщества государств, в основном азиатских, которые сейчас начинают играть в мире всё более важную роль. О том, какими чертами обладает этот процесс, Бжезинский говорит в главе под названием «Взлёт Азии и дисперсия мировой силы». Речь в ней идёт преимущественно об истории взлёта трёх государств – Японии, Индии и Китая. Возникновение этих азиатских государств в качестве значимых политико-экономических игроков – это феномен, случившийся после Второй мировой войны, ведь до второй половины XX века никто из них не мог использовать преимущество численного преобладания своего населения». Важная и любопытная мысль. Действительно, до второй половины прошлого столетия техническое превосходство европейских держав и ограниченные масштабы миграции ограничивали этот «козырь».

Говоря о Японии, Бжезинский отмечает, что попытки выйти на мировую арену начались ещё в 1905 году – после победы в русско-японской войне, однако в конечном итоге японский милитаризм оказался разрушен Второй мировой войной. Реальный же взлёт начался в середине 1970-х (с 1975-го по 1995-й). ВВП страны увеличился с 500 млрд долл. до 5,2 трлн долл.

Как замечает Бжезинский, всё это было неожиданно. В США долгое время не придавали значения «японскому экономическому чуду», но с середины 1980-х голоса недовольства стали звучать всё громче – после экспансии японских автомобилей и электротехники на американский рынок. «Американская паранойя была раздута паническими сообщениями в СМИ, в которых сообщалось о скупке японцами ключевых американских промышленных активов (плюс некоторых, имевших и символическое значение – например “Рокфеллер центр” в Нью-Йорке). В итоге Японию стали считать мощным экономическим центром, торговым гигантом и даже растущей угрозой для глобального американского индустриального и финансового превосходства».

Однако успех Японии является «всего лишь прелюдией к самой радикальной перемене в мировом геополитическом и экономическом порядке – стремительному взлёту Китая». Бжезинский отмечает, что взлёт Китая начался в 1978-м с реформы Дэн Сяопина по введению элементов рыночной экономики, «которая открыла Китай внешнему миру и задала траекторию для беспрецедентного национального взлёта в дальнейшем».

«Реактивный взлёт Китая на вершину мирового Олимпа»

Взлёт Китая совпал с отторжением от Советского Союза, с которым, начиная с середины 1960-х, у Пекина стали возникать разногласия. Как отмечает Бжезинский, этим воспользовались Ричард Никсон и Джимми Картер, улучшившие с Китаем отношения в 1972–1978 гг. «Таким образом, в течение следующих трёх десятилетий Китай, больше не сталкивавшийся с возможностью потенциальной советской военной угрозы и получивший свободу концентрировать свои ресурсы для нужд внутреннего развития, достиг степени инфраструктурной модернизации, сравнимой с той, которую в течение всего прошлого века имел Запад». Как итог – в американском общественном мнении Китай, как и Япония, стал вызывать определённые страхи. Стратегический тактик отмечает, что страхи того, что именно Китай собирается оспорить роль Америки как сверхдержавы, окончательно сформировались к 2010-му.

Что касается Индии, то её взлёт, по мнению Бжезинского, был очевиден вплоть до середины 1970-х, но стал заметен в период 1974–1998 гг. (когда было испытано индийское ядерное оружие). В целом 1990-е признаются для страны эпохой экономического роста,

который был инспирирован либеральными экономическими реформами. Как следствие: «К 2010 году Индия с населением, постепенно начинающим превосходить китайское, и даже несмотря на свои внутренние проблемы, уже кое-кем считается потенциальным противником Китая».

«Политическая элита Индии мотивирована амбициозным стратегическим видением, направленным на расширение своего влияния в мире, и убеждённости в обладании господством в регионе. Улучшение же американо-индийских отношений, случившееся в первое десятилетие XXI века, только укрепило её положение и усилило её амбиции».

Ключевой в данной части является ремарка, что все три страны не являются союзниками. «Азиатские державы не являются (и не были) региональными союзниками, такими как члены Североатлантического альянса в ходе холодной войны. Они соперничают друг с другом, что в этом отношении их делает похожими на европейские атлантические державы периода колониального, а затем континентально-европейского противоборства, вылившегося сначала в Первую, а затем во Вторую мировую войну». Впрочем, Бжезинский отмечает, что есть и различия. Если европейские державы вели противоборство во всём мире, то соперничество азиатских стран вряд ли распространится за пределы региона. Между тем, его влияние будет ощущаться по всему миру.

Бжезинский отмечает, что Китаю не свойственно вообще-то выдвигать агрессивные требования. По его мнению, китайскую политику отличает «впечатляющая имперская линия и стратегическая традиция соблюдать тщательно откалиброванное терпение. Поэтому Китай благоразумно принимает существующую систему международных отношений, даже несмотря на то, что не занимает в её иерархии господствующее положение. Он осознаёт, что его успех зависит не от стремительного краха этой системы, но от её движения по направлению к постепенному перераспределению силы и влияния».

Бжезинский отмечает, что Китай, следуя именно такой модели поведения, вдохновляется принципом, изложенным Сунь-Цзы в знаменитом трактате «Искусство войны». Не торопиться с наступлением, дать противнику сделать первый ход и дожидаться, когда он совершит фатальную ошибку – именно так действует Китай. В качестве руководящей модели американский стратег приводит и фразу Дэн Сяопина: «Наблюдайте, сохраняя спокойствие, и обеспечьте безопасность наших позиций; управляясь с делами, сохраняйте спокойствие, скрывайте наши возможности и выжидайте, продолжайте оставаться в тени и никогда не претендуйте на лидерство». Кстати, как это контрастирует с обратной стратегией России «раздуться, напугать», о которой мы уже писали выше.

Помимо этого, Бжезинский считает, что Китай ни сейчас, ни в течение следующих десятилетий не будет готов совладать со всеми гранями той роли, которую сейчас играют в мире США. Причина – даже несмотря на активную модернизацию, страна всё равно будет уступать и Японии, и Европе, и США по уровню технологического развития.

Кроме того, Китай инвестирует в США, так что кризис в Америке также означает для этой страны трудности. Так что с одной стороны крушение США невыгодно Пекину. С другой, у него есть собственные амбиции мировой державы. Поэтому лозунг китайской стратегии может быть примерно таким: «Пожалуйста, не дайте Америке рухнуть слишком быстро»¹⁴.

Бжезинский осознаёт, какой проблемой для Америки становится нежданная мощь и амбиции Китая: как говорится, «за что боролись, на то и напоролись». Он считает: американцам следует мобилизоваться, но одновременно не пытаться открыто давить на Поднебесную. Пример – ошибочное решение ученика Бжезинского, действующего президента США

¹⁴ Приведённая Бжезинским фраза оставшегося неназванным китайского политика, сказанная в частном разговоре некоему американцу.

Обамы о переправке двух с половиной тысяч американских морских пехотинцев в Австралию. Бжезинский язвительно замечает «Я не знал, что в Австралию вот-вот вторгнутся то ли Папуа – Новая Гвинея, то ли Индонезия. Предположу, что большинство людей всё-таки сочтут, что Обама думал о Китае. Что ещё хуже, сами китайцы тоже сочтут, что он думал о Китае, а делать на Востоке акцент на Китай – это ошибка. Нам нужно сфокусироваться на Азии, но не следует при этом играть на опасениях всех возможных сторон... Очень просто начать демонизировать Китай, а китайцы в ответ будут демонизировать нас. Неужели мы этого хотим?»

Компетентность китайцев Бжезинский противопоставляет нарастающему невежеству американцев: «Американцы мало знают о мире, они не учат ни мировую историю – только американскую, причём весьма однобоко, – ни географию. В сочетании с этим всеобщим невежеством устойчивый и намеренно раздуваемый страх перед окружающим миром, связанный с грандиозной войной с джихадистским терроризмом, делает американское общество крайне уязвимым для экстремистских призывов». «Определённый скептицизм появился, но и уязвимость для демагогии никуда не исчезла». В своей книге Бжезинский называет невежество первой из шести «главных уязвимых сторон» США. Вторая – «нарастающий долг», третья – ущербная финансовая система, четвёртая – «распадающаяся национальная инфраструктура», пятая – «увеличивающееся неравенство доходов», и шестая – «зашедшая в тупик политика».

Бжезинский постоянно моделирует борьбу за лидерство между двумя новыми сверхдержавами. Мы не оговорились: США должны стать новой сверхдержавой, чтобы сохранить позиции, когда буквально по пятам идёт Китай, занявший место Советского Союза. Американский геополитик считает, что практически всё зависит от возможности внутренней мобилизации Америки, испытывающей ныне кризис воли и интеллекта: «Запад сегодня не уверен в собственных ценностях. Соединённые Штаты попали в фискальный тупик и быстро превращаются в страну с самым неравномерным и несправедливым распределением доходов. Америке – ещё недавно доминировавшему на мировой сцене игроку – может не хватить силы и энергии для выстраивания архитектуры нового мирового порядка. Её роль в этом нестабильном мире зависит от того, как она справится с внутренними проблемами».

Он приводит в пример дальновидных китайских политиков: они отнюдь не в восторге от процессов деградации в стране глобального соперника. Действительно, сегодняшние китайские руководители прекрасно осознают: не крах нынешнего мироустройства, а постепенное перерастание экономической мощи в политическую приведёт их к цели. Пока эта цель не агрессивна. Речь идёт о мирном выходе на первую позицию. Но Бжезинский подчёркивает: опасность возникновения агрессивного национализма в Китае ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Этому особенно будут способствовать вакуум силы – сворачивание американского присутствия – в Юго-Восточной Азии и обострение территориальных споров Китая с соседями: Вьетнам, Япония и др. И тогда, говорит Бжезинский, «Азия XXI века станет похожа на Европу XX века» кровавым насилием.

Что касается отсутствия стратегии у современных Соединённых Штатов, то здесь Бжезинский не совсем прав. Так, США выработали достаточно интересную стратегию относительно азиатско-тихоокеанского региона. Например, профессор колледжа Барда и колумнист журнала *American Interest* Уолтер Рассел Мид в статье для *The Wall Street Journal* пишет: «Пока весь мир заиклен на упадке Америки и её глупых, как принято считать, интервенциях на Ближнем Востоке, Соединённые Штаты без лишней огласки приняли двухпартийный политический курс в отношении Азии. Его влияние на данном континенте вполне может оказаться столь же сильным, каким было влияние плана Маршалла и НАТО в Европе». Причём эта стратегия разработана ещё при президенте Клинтоне – а поскольку межпартийных разногласий в отношении неё не наблюдалось, разработка продолжалась и при республи-

канской администрации. В основе этой стратегии – призыв «обогащаться за счёт участия в самой открытой торговой системе в истории человечества. В обмен на обязательство соблюдать правила этой системы такие страны, как Индия, Вьетнам, Индонезия и Китай, получают возможность развивать промышленность и принимать участие в формировании будущего мировой экономики». В основу стратегии положен тонкий расчёт: «Занятые обогащением страны вряд ли будут стремиться к ниспровержению международной системы, которая способствует их процветанию, по мере всё более тесного вовлечения стран в мировую систему они всё больше начинают от неё зависеть... Следовательно, чем больше Китай проникает на мировые рынки, тем больше его заложников оказывается в руках Америки».

Стратегия вовсе не инновационная. Соединённые Штаты проводили её в отношении поверженных во время Второй мировой войны Германии и Японии. Она позволила плотно вовлечь эти страны в американскую орбиту, загасить в них милитаристские настроения.

Проводилась она и во внутренней политике. Например, после Второй мировой войны один из крупнейших бизнесменов Уильям Левитт закупил гигантские территории для застройки их коттеджами. В частности, в так называемом Левиттауне он построил дома для почти ста тысяч американцев. Левитт провозгласил свой принцип: «Ни один человек, имеющий свой дом и сад, не сможет стать коммунистом – у него будет слишком много дел».

Так США ставят Китай перед своеобразным стратегическим выбором. Ежели Китай признает построение в Азии экономической системы, сориентированной на США, он будет развиваться и дальше. Если он будет блокировать такую систему, то соседи Китая, напуганные и без того стремительным его ростом, могут в страхе теснее сплотиться с американцами.

Тот же Мид различает политику США в отношении Китая и в отношении бывшего СССР. Мид считает: задача в отношении Китая – не в том, чтобы изолировать его и добиться смены режима. «Задача скорее в том, – пишет он – чтобы удержать Пекин от претензий на роль регионального гегемона... В зависимости от реакции Китая США и другие участники нарождающейся “антанты” вольны двигаться в направлении более близких или более конкурентных отношений с Пекином Индии, Японии и США». Такая стратегия могла быть возможна и в отношении СССР, если бы не – с одной стороны – стратегические ястребы вроде того же Бжезинского и – с другой стороны – интеллектуальная несостоятельность советских руководителей (не считая, конечно, Косыгина) и экономическая слабость СССР.

Учёл ли это Китай или у него всё получилось самопроизвольно, но у Поднебесной сегодня и глобальная экономическая мощь и интеллектуально состоятельные пластичные политики. Да и сам Бжезинский в отношении Китая стал пластичен. Столь поучительные уроки может усваивать даже такой ястреб.

В том же регионе, кроме шагов, обоснованно критикуемых Бжезинским, вроде размещения американского контингента в Австралии, американцы проводят очень интересную дипломатическую игру в создание тройственного альянса Индии, Японии и США. В частности, именно в рамках этого альянса Австралия отменила эмбарго и готова экспортировать уран в Индию. Эти три страны в азиатско-тихоокеанском регионе дополняют друг друга. Столь мощный противовес вполне может служить силовой гарантией против Китая, ежели тот проявит желание решать какие-либо вопросы в регионе силой.

Ещё один довод. Китай, несмотря на значительные достижения внутри страны, до недавнего времени не стремился стать лидером всего мира и моделью для подражания. Исключением стал период правления Мао Цзэдуна. Однако сейчас, по мнению Бжезинского, главное, что интересует Китай – растущий показатель собственного ВВП. «Этот примечательный факт делает Китай конкурентоспособным, особенно в Латинской Америке и слабо-развитой Африке, и позволяет ему совершать инвестиции, не требуя политических реформ. (Для примера: объём торговли Китая с Африкой вырос со 10 млрд в 2000-м до 107 млрд в 2008-м)».

Нужно принимать в расчёт и динамику внутривнутриполитического развития Китая. «Страна прошла эволюцию от радикального тоталитаризма, отмеченного жестокими и кровавыми массовыми кампаниями (такими как Большой скачок и Культурная революция) до становящегося всё более националистическим авторитаризма в сочетании с государственным капитализмом. До сегодняшнего дня её основой было впечатляющее экономическое процветание, однако социальный фундамент может оказаться хрупким».

В чём причина? «Новый средний класс в главных городах получил не просто представление о том, что такое процветание, но и беспрецедентный доступ к глобальной информации, несмотря на попытки ограничить его, предпринимаемые властями. Такой доступ стимулирует появление новых социальных и политических ожиданий. Также появляется недовольство текущими политическими правами, что приводит к появлению тех, кто желает рискнуть, став политическими диссидентами».

Таким образом, речь идёт всё о том же политическом пробуждении, но в этом случае оно представляет угрозу не существующей системе международных отношений, но стабильности в отдельно взятом государстве. Дальше – классический сценарий. Экономические трудности стимулируют недовольство среднего класса, что приводит к его активизации. «Такие диссиденты получают потенциально огромную аудиторию, особенно, если представители среднего класса начнут стремиться к установлению более свободного политического диалога, большей открытости в вопросе социальной критики», а также к влиянию на политику в общенациональном масштабе.

Бжезинский отмечает, что далее потянутся миллионы представителей низших классов (рабочие и крестьяне), которые начнут осознавать огромную социальную разницу, пролегающую между ними и средним классом. Так что угроза внутренней стабильности будет только возрастать. «Серьёзный внутривнутриполитический кризис, наподобие событий на площади Тяньаньмэнь может нанести большой ущерб положению Китая на международной арене и свести на нет эффект достижений последних трёх десятилетий», – заключает американский стратег.

Тем не менее, существуют доводы и в пользу того, что Китай всё-таки бросит открытый вызов Соединённым Штатам. Бжезинский видит признаки этой возможности в поведении китайской элиты, у которой «растёт чувство национальной гордости, направленное в отношении Соединённых Штатов». Влияние оказывает и китайская пресса. Американский стратег считает, что в течение последнего десятилетия официальные лица, имеющие возможность высказываться в печати и уважаемые колумнисты (в частности, на страницах авторитетного журнала «Ляован») стали «подвергать сомнению легитимность существующего ныне статус-кво» и «начали постулировать то, что может стать основой доктринальных требований универсального права на существование для китайской модели¹⁵».

Бжезинский считает, что активная критика «американской системы» началась в 2007 году (то есть с началом ипотечного кризиса в США и в преддверии начала мирового финансового кризиса). Отмечает он и серию обвинений со стороны китайских СМИ в 2010-м, когда Китай вёл переговоры со своими соседями по поводу прав пользования Южно-Китайским морем. Американский стратег считает, что китайские СМИ обвинили США в «нечувствительности к китайским интересам» и в «попытках окружить Китай».

Конечно, подобные публикации создают благодатную почву для расцвета китайского национализма – «силы мощной и потенциально взрывоопасной». Кроме того: «В случае возникновения социального кризиса внутри страны привлекательность национализма может

¹⁵ Заметим: Бжезинский даже не постулирует основу «доктринальных требований универсального права на существование» для американской модели.

стать основой для достижения социальной сплочённости ради сохранения текущего статус-кво».

Тем не менее, даже в этом случае китайский национализм может негативно повлиять на положение страны в мире. «Чрезмерно националистичный, напористый и набирающий силу Китай может невольно заставить своих соседей объединиться в союз. Реальность заключается в том, что никто из соседей Китая – ни Япония, ни Индия, но Россия – не готовы признать китайские притязание на место США в мировой иерархии, даже если оно окажется вакантным».

Кроме того, если союз будет создан, он может обратиться за помощью к Америке. Но Китай столкнётся с трудностями не только поэтому. В отличие от США, которые отделены от своих «конкурентов» на мировой арене океаном, китайские границы находятся в непосредственной близости от России, Индии и Японии. Китай окажется «запертым» в пределах собственной территории.

Это вынудит Китай искать пути выхода из этой «блокады». И Бжезинский считает, что это может быть сделано посредством сближения с Пакистаном. Доказывает он это тем, что Китай уже строит порт в Пакистане на полуострове Гвадар (на юго-западе страны) вблизи от Ирана. Китай также инвестирует в порт в Бирме, что даёт надежду снизить зависимость от Малаккского пролива и диверсифицировать торговые пути. Разумеется, военный потенциал Пакистана также может быть интересен Китаю в случае военного противостояния.

Вернёмся к опасениям Бжезинского, связанным с ослаблением глобального влияния США. Многие страны, считает политолог, от этого проиграли. Например, экономическая мощь Китая сделает возможным ускоренное воссоединение с Тайванем, причём условия при этом будет диктовать КНР. «Это грозит риском серьёзной конфронтации с Китаем», – считает Бжезинский. Однако кто, как не он, заигрывал с Китаем в борьбе против СССР – причём это заигрывание дошло до масштабов военного сотрудничества. Что в итоге? Ушёл ментально более близкий и вменяемый глобальный соперник, а на его место пришёл менее предсказуемый, более сильный в стратегическом плане, с колоссальной экономикой и демографическими ресурсами. Налицо громадный стратегический просчёт Бжезинского.

Глава 3. Афганская ловушка

Ещё одно опасение Бжезинского в книге «Стратегический взгляд» – перерождение Пакистана. Это может быть либо военная диктатура, либо исламская диктатура, либо комбинация того и другого, либо территория с отсутствием федеральной власти. «Чем это грозит: полевые командиры с ядерным оружием; приход антизападного, располагающего ядерным оружием правительства типа иранского; региональная нестабильность в Центральной Азии, причём насилие потенциально выплеснется в Китай, Индию и Россию», – преддрекает Бжезинский. Но разве не он сам заварил кашу в этом регионе?

По официальной версии ЦРУ начало помогать моджахедам в 1980 году, то есть после того, как в декабре 1979-го советские войска вошли в Афганистан. Но бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс в мемуарах пишет: американская разведывательная служба поддерживала моджахедов за полгода до того, как состоялся драматический поворот событий.

Эту версию подтверждает и сам Бжезинский (в интервью французской газете «Nouvel Observateur» за 18–25 января 1998 года): «Согласно официальной истории, помощь ЦРУ моджахедам началась в 1980 году, то есть после ввода Советской армии в Афганистан 24 декабря 1979 года. Но реальность, которая до сих пор скрывалась, была прямо противоположной: на самом деле, президент Картер подписал первую директиву по секретной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 года. В тот же день я написал президенту записку, в которой объяснял, что, по моему мнению, эта помощь вызовет советское военное вмешательство».

Это была чётко рассчитанная долгосрочная игра с использованием всех средств – военных, экономических, дипломатических. Некоторые её подробности Бжезинский раскрыл в интервью CNN (13 июня 1997 года). После того как Советский Союз оказался втянутым в войну в Афганистане, США разработали список санкций и других мероприятий, преследующих цель заставить СССР заплатить за инспирированную ими же авантюру «большую цену». Именно Бжезинский сколотил американско-китайско-пакистанский альянс. Он лично побывал в Пакистане, чтобы координировать совместные с этой мусульманской страной усилия и втянуть в антисоветскую ось «саудовцев, египтян, англичан, китайцев». Моджахедов, по его свидетельству, снабжали оружием из разных источников. Его получали даже от «поощряемого материально» коммунистического правительства Чехословакии, закупали у дислоцированных в Афганистане советских войск – те становились всё более коррумпированные.

На вопрос, не жалеет ли он об этом, Бжезинский лишь удивляется:

«Сожалею о чём? Эта секретная операция была превосходно задумана. В результате русские попали в афганскую ловушку, и Вы хотите, чтобы я об этом сожалел? В день, когда СССР официально перешёл границу, я написал президенту Картеру: “Сейчас у нас появилась возможность устроить СССР его собственный Вьетнам”. В самом деле, почти 10 лет Москва должна была вести войну, которую правительство не способно поддерживать, конфликт, который вызвал деморализацию и в конце концов – развал Советской империи».

Далее без купюр приведём концовку того интервью, для того чтобы читатель без посредников мог узнать образ мыслей Бжезинского в отношении проблемы террора и исламского фундаментализма в 1998 году:

Вопрос журналиста: И вы также не сожалеете о поддержке исламского фундаментализма, об оружии и советах для будущих террористов? **Бжезинский:** Что важнее для мировой истории? Талибы или

развал Советской империи? **Несколько взбудораженных**¹⁶ мусульман или освобождение Восточной Европы и конец холодной войны?

В.: Несколько взбудораженных мусульман? Но ведь сейчас всё время повторяют: **исламский фундаментализм – угроза для всего мира.**

Б.: Чепуха! Говорят, что у Запада есть всемирная политика по отношению к исламу. Глупость. Всемирного ислама не существует. Посмотрите на ислам рационально, без демагогии и эмоций. Это одна из мировых религий, полтора миллиарда верующих. Но что общего между фундаментализмом Саудовской Аравии, умеренным Марокко, пакистанским милитаризмом и среднеазиатским секуляризмом? Не больше, чем у христианских стран.

В 2008 году, через 7 лет после терактов 11 сентября, Бжезинский¹⁷ снова повторил: «Я совершенно не сожалею, что СССР развалился, и одной из причин развала были наши действия в Афганистане. Без сомнений, я бы сделал это снова».

Но даже в этом неравном бою поздние советские руководители – в первую очередь, блестящие дипломаты вроде Юлия Воронцова – сумели грамотно завершить войну и оставили в Афганистане дееспособную власть во главе с Наджибуллой. Эта власть пала по двум причинам. Во-первых, военные формирования талибов, выросшие из американских семян, вышли из-под любого – в том числе и американского – контроля. Во-вторых, Ельцин попросту предал афганского союзника, прекратив поставки ему даже того, что всё равно было запасено ещё в советские времена, а при Ельцине толком не использовалось.

По мнению Бжезинского, «Штатам не следовало оставлять Афганистан без внимания после выхода оттуда советских войск. Страна в буквальном смысле лежала в руинах, отчаянно нуждаясь в экономической помощи, чтобы стабилизировать обстановку хотя бы минимально. Однако и Буш – старший, и Клинтон проявили пассивное безразличие. Образовавшийся вакуум в 1990-х заполнили талибы, за которыми стоял Пакистан, пытавшийся таким образом занять геостратегически выгодные позиции по отношению к Индии. Вскоре “Талибан” пригласил под своим крылом “Аль-Каиду” – дальнейшее всем известно. После 11 сентября у США не осталось другого выхода, кроме как ответить силой на силу». Но своей вины или просчётов дальновидный стратег признать не готов.

Бжезинский переживает и по поводу конфронтации США (и их ближневосточного сателлита – Израиля) с Ираном. Её продолжение может привести не только к росту шиитской ветви исламского радикализма (та скорее компенсирует суннитскую ветвь, буйно разросшуюся на нефтедоллары Саудовской Аравии), но прежде всего к глобальному нефтегазовому кризису. Между тем Иран стал фундаменталистским как раз в то время, когда Бжезинский работал у Картера и отвечал за внешнюю политику США по всему миру – в том числе и в Иране. Теперь политик вкушает плоды своей тогдашней близорукости. Более подробно об этом – ниже.

¹⁶ В оригинале у Бжезинского используется слово *agitated* – взволнованный, возбуждённый, взбудораженный.

¹⁷ Успевший ещё в 80-х годах сделать на память несколько незабываемых фотоснимков с Усамой бен Ладеном.

Глава 4. Иранский провал

Ещё один провал Бжезинского случился в бытность его советником по национальной безопасности президента Джеймса Картера. Совместными усилиями они проиграли одного из ключевых союзников – Иран.

Курс США на тесный союз с Ираном исходил из трезвого расчёта. Иран не только был мощной опорой стабильности в регионе и противостоял возможной советской экспансии на юг. Это был ещё и очаг вестернизации. Увы, его высшие руководители внедряли западные ценности так усиленно, что довольно скоро добились прямо противоположного результата.

1978 год семьи президента США и шаха Ирана Мухаммеда Пехлеви встречали вместе. Американский президент рассыпался в комплиментах. Он назвал Иран надёжным островком стабильности в одном из самых горячих регионов мира, а руководителя страны – гарантом этой стабильности. Он восхитился уважением, с которым народ Ирана относится к своему монарху. И всё это – в тот момент, когда из-под шаха стала с небывалой скоростью уходить почва.

В аппарате Бжезинского и всём Совете по национальной безопасности не было сколько-нибудь серьёзных специалистов по Ирану. Разведка, обязанная поставлять исходные данные для переваривания в аналитических органах, жаловалась: потребители хотят слышать благостные вести, а не реальные сведения. В итоге руководство США даже не предполагало, что установленным шахом порядкам приходит конец. В конце сентября 1978-го американская военная разведка докладывала: в ближайшие десятилетия шах останется у власти. В обоснование приводился удивительный по интеллектуальной мощи аргумент: в прошлом шах преодолевал серьёзные кризисы. Замечательный пример линейного мышления людей, обязанных мыслить как раз нелинейно.

Вдобавок до американских разведчиков не дошёл поставленный французскими врачами ещё в середине 1970-х диагноз шаха: лейкемия. Онкологические заболевания не способствуют не только долголетию, но и разумности поведения. А без неё на такой руководящей высоте – никуда.

По советам американских специалистов шах развернул широкомасштабную программу либерализации. В частности, предоставил практически полную свободу студентам. Поразительная параллель с Горбачёвым, проводившим политическую либерализацию на фоне нарастающего хаоса в экономике и порождённой ею нестабильности в обществе. Впрочем, Горбачёв вряд ли способен усваивать хоть какие-то уроки: он, судя по его постсоветскому поведению, и на своих ошибках не учится, не говоря уж о чужих. Во всяком случае, результаты у шаха и Горбачёва оказались очень схожи.

Другие американские советники требовали ужесточить меры: провести репрессии, подключить армию. Был даже план проведения военного переворота. Это вносило ещё больше сумятицы в принятие решений по непрерывно усложняющейся обстановке. А её было кому усложнять.

Блестящий пропагандист и религиозный фанатик, люто ненавидящий Америку, аятолла (в переводе с арабского – откровение бога; в шиитской ветви ислама – высший богословский авторитет) Рухолла Мусави Хомейни сумел стать демонической фигурой. За ним, как за знаменем, устремилось дезорганизованное население Ирана. В то же время в *New York Times* – рупоре демократической партии, куда входят Бжезинский и Картер – появилась статья о терпимости Хомейни, о прогрессивных взглядах его команды, о его способности создать гуманистическую власть. Похоже, в это и впрямь кто-то верил.

Вот так под мудрым руководством Бжезинского Иран ушёл из объятий США. Не только одним источником нефти в американской зоне влияния стало меньше. Появилось государ-

ство, способное при желании дестабилизировать едва ли не весь юг Азии, включая и арабский мир: арабы с иранцами враждуют уже полтора тысячелетия. Великий стратег Бжезинский создал стратегическое препятствие всем дальнейшим американским планам.

Глава 5. «Чёрная дыра» в самом центре Евразии: Россия

Немецкий публицист Хауке Ритц уверен, что «Бжезинский даже после крушения СССР и падения берлинской стены не изменил своего крайне негативного отношения к России. Конечно, понять Бжезинского можно: являясь одним из главных стратегов холодной войны и посвятив всю свою осознанную жизнь этой борьбе, он хотел, наверное, после 1991 года сполна насладиться плодами победы в этой войне».

В 1997 году в «Великой шахматной доске» Бжезинский сравнивает распад СССР с появлением «чёрной дыры» в самом центре Евразии и выделяет в этой связи две задачи для Америки:

1. Незамедлительно нужно было снизить вероятность политической анархии или восстановления враждебной диктатуры в разрушающемся государстве, владеющем мощным ядерным арсеналом.

2. Долгосрочная задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, поддержать экономическое восстановление и демократическую трансформацию России, с другой – не допустить возрождения евразийской империи, которая могла бы противостоять появлению в будущем евроатлантической системы¹⁸.

Развал Советского блока привёл к появлению вакуума силы в центре Евразии. По мнению пана Бжезинского, замешательство и слабость были характерны не только для новых государств, но и для самой России. Травма нации усугубилась вооружённым вмешательством России в Таджикистане¹⁹ и вторжением России в Чечню²⁰. Наиболее болезненно для россиян было осознание падения авторитета страны в мире: одна из двух мировых супердержав стала оцениваться как региональная держава «третьего мира».

Новым для России стало изменение геополитической ситуации на Дальнем Востоке, хотя в этом регионе не произошло ни территориальных, ни политических изменений. На протяжении столетий Китай был гораздо слабее России. Однако Бжезинский пишет, что невозможно не заметить, что Китай находится на пути становления и преобразования в более развитое и благополучное государство, нежели Россия. «Экономическая мощь Китая в совокупности с динамической энергией его 1,2-миллиардного населения существенно меняют историческое уравнение между двумя странами **с учётом незаселённых территорий Сибири, почти призывающих китайское освоение**», – подчёркивает американский стратег.

Дружественная позиция, занятая США в отношении нового российского руководства, ободрила постсоветских «прозападников» в российском внешнеполитическом истеблишменте. Новым лидерам приятно быть на коротке с высшими должностными лицами, «формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы, и они легко впали в заблуждение, что они тоже лидеры сверхдержавы». Когда Америка стала говорить о «зрелом стратегическом партнёрстве» между бывшими соперниками по холодной войне, России грезило, что этим был «благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству».

¹⁸ О ней речь пойдёт ниже.

¹⁹ РФ оказалась вынуждена взять под свою охрану границу с Афганистаном, откуда в охваченный гражданской войной Таджикистан хлынул поток наркотиков, оружия, боевиков и откровенных разбойников.

²⁰ Этот регион РФ взяли под свой контроль сперва местные уголовники, ограбившие нечеченскую часть населения республики и немалую часть сопредельных земель, а затем авантюристы и фанатики радикальных версий ислама со всего света. Республика оказалась сухопутным аналогом легендарного пиратского острова Тортуга. Пришлось, как и в Карибском море, усмирять разбойную вольницу.

Американский стратег польского происхождения дает красочное описание, как бы дразня россиян:

Этот кондоминиум будет глобальным по масштабам. Таким образом, Россия будет не только законным правопреемником бывшего Советского Союза, но и де-факто партнером в мировом устройстве, основанном на подлинном равенстве. Как не устают заявлять российские лидеры, это означает не только то, что остальные страны мира должны признать Россию равной Америке, но и то, что ни одна глобальная проблема не может обсуждаться или решаться без участия и/или разрешения России. Хотя открыто об этом не говорилось, в эту иллюзию вписывается также точка зрения, что страны Центральной Европы должны каким-то образом остаться, или даже решить остаться, регионом, политически особо близким России. Роспуск Варшавского договора и СЭВ не должен сопровождаться тяготением их бывших членов к НАТО или даже только к ЕС.

Западная помощь тем временем позволит российскому правительству провести реформы внутри страны, исключить вмешательство государства в экономику и создать условия для укрепления демократических институтов. Восстановление Россией экономики, её специальный статус равноправного партнера Америки и просто её привлекательность побудят недавно образовавшиеся независимые государства – благодарные России за то, что она не угрожает им, и всё более осознающие выгоды некоего союза с ней – к самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя таким образом пределы этой страны и увеличивая её мощь.

Но сразу после этого текста Бжезинский подчёркивает, что такой подход «лишён внешнеполитического и внутриполитического реализма», а ласкающая взор и слух концепция «зрелого стратегического партнерства», обманчива: **«Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разорённой 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире»**. И как только стали появляться разногласия между Москвой и Вашингтоном, вся идея «зрелого стратегического партнёрства» стала казаться дутой, и всё больше россиян стали считать её озвученной специально для обмана России.

Бжезинский, с одной стороны, пишет: «Нельзя не признать, что не все тревоги России в отношении расширения НАТО лишены законных оснований или вызваны недоброжелательством». С другой – сразу же после этого признания ветеран холодной войны переходит в лобовую атаку: «Некоторые противники расширения НАТО, разумеется, особенно в российских военных кругах, воспользовались менталитетом времён холодной войны и рассматривают расширение НАТО не как неотъемлемую часть собственного развития Европы, а скорее как продвижение к границам России возглавляемого Америкой и всё ещё враждебного альянса. Некоторые представители российской внешнеполитической элиты – большинство из которых на самом деле бывшие советские должностные лица – упорствуют в давней геостратегической точке зрения, что Америке нет места в Евразии и что расширение НАТО в большей степени связано с желанием американцев расширить свою сферу влияния. В некоторой степени их оппозиция связана с надеждой, что не связанные ни с кем страны Центральной Европы однажды вернутся в сферу геополитического влияния Москвы, когда Россия “поправится”».

Хотелось бы акцентировать внимание читателей, с каким плохо скрываемым пренебрежением Бжезинский говорит о поверженном бывшем противнике. Где уж тут «милость

к падшим»! А ведь 1990-е годы – это время, когда сближение с Россией и её интеграцию в Запад, по оценке немецкого публициста и доктора философии Хауке Ритца, было возможно организовать, лишь «поманив Россию пальцем». И «в большой степени ответственность за это несёт как раз сам Бжезинский».

Впрочем, наш мнящий себя стратегом тактик продолжает делать ходы на «великой шахматной доске»: «Если не кондоминиум с США и не “ближнее зарубежье”, тогда какие ещё геостратегические варианты имелись у России? Неудачная попытка ориентации на Запад для достижения желательного глобального равенства “демократической России” с США, что больше являлось лозунгом, нежели реальностью, вызвала разочарование среди демократов, тогда как вынужденное признание, что “реинтеграция” старой империи была в лучшем случае отдалённой перспективой, соблазнило некоторых российских геополитиков поиграть с идеей некоего контральякса, направленного против гегемонии США в Евразии».

По оценке Бжезинского, коалиция россиян одновременно с китайцами и иранцами «может возникнуть только в том случае, если Соединённые Штаты окажутся настолько недальновидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно». Американский стратег убеждён, что ни Иран, ни Китай не свяжут стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией, поскольку подобная коалиция может препятствовать их выходу на более развитые государства с их инвестициями и технологиями. Россия способна предложить слишком мало. Бжезинский делает вывод, что этот геостратегический расклад не реалистичен, хотя тактически как Китай, так и Россия подвержены соблазну поиграться с этой идеей.

Бжезинский также вскользь упоминает о том, что «существует также возможность – хотя и маловероятная, но которую нельзя полностью исключить – серьёзной перегруппировки сил в Европе, заключающейся или в тайном германо-российском сговоре, или в образовании франко-российского союза». Он ссылается на то, что в истории есть подобные прецеденты, и каждая из этих двух возможностей может начать реализовываться в случае, если остановится процесс европейского объединения и произойдёт серьёзное ухудшение отношений между Европой и Америкой. Взаимодействие между Европой и Россией будет иметь своей целью выдавливание Америки с континента, пишет Бжезинский, но сразу оговаривается, что все эти варианты выглядят невероятными, поскольку требуют не только проведения США ошибочной политики на европейском направлении, но и переориентации крупнейших стран Европы. Между тем, есть и другие оценки. Уже упомянутый выше Хауке Ритц, например, уверен, что «углублённые экономические отношения между Россией и ЕС могли бы дать возможность Евросоюзу дополнить трансатлантическую ориентацию ориентацией континентальной. Это, со своей стороны, означало бы получение существенной независимости Европы от США. В пользу растущей ориентации ЕС на Восток говорит также то, что российские и европейские интересы в долгосрочной перспективе дополняют друг друга. В России большой спрос на европейские технологии, а Европе в средне- и долгосрочной перспективе вряд ли удастся гарантировать своё энергообеспечение без использования российских запасов». Но это написано уже в 2008 году.

Вернемся в 1997-й. Перед тем, как перейти к дилемме единственной альтернативы России, Бжезинский ещё раз с мастерством шулера перебирает «нежизнеспособные» варианты геостратегии России: «Решение не может быть найдено ни в контральяксе, ни в иллюзии равноправного стратегического партнёрства с США, ни в попытках создать какое-либо новое политическое или экономическое “интегрированное” образование на пространствах бывшего Советского Союза. Во всех них не учитывается единственный выход, который на самом деле имеется у России».

Дилемма единственной альтернативы

По Бжезинскому, единственным геостратегическим выбором, в результате которого Россия смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность модернизировать своё общество, является Европа. Но не простая Европа, «а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО». Именно с ней России придётся выстраивать отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции.

Бжезинский уверен, что «для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть её партнёром, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто её пациентом». Далее он пишет: «Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой». А каким образом он сам убеждает Россию в этом?

В одном месте Бжезинский проговаривается, говоря о будущем России: «Российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и её богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. **России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком,** что тем самым ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трёх членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии».

Вот он, образ будущего России от американского стратега польского происхождения: раздел России на Европейскую часть, Сибирскую и Дальневосточную республики. Если Польшу в XVIII веке делили трижды, то тут предлагается расчленить гиганта за один раз.

С одной стороны, пан Бжезинский говорит о том, что как для Европы, так и для Америки национальная и демократическая Россия является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе, с другой – даже не пытается предложить вариант, который мог бы показаться новой России приемлемым хотя бы частично. Вместо этого звучат слова о том, что «если Россия укрепит свои внутренние демократические институты и добьётся ощутимого прогресса в развитии свободной рыночной экономики, тогда не следует исключать возможности её ещё более тесного сотрудничества с НАТО и ЕС». А пока что американцам «следует предложить России не только заключить специальный договор или хартию с НАТО, но и начать вместе с Россией процесс изучения будущей формы возможной трансконтинентальной системы безопасности и сотрудничества, которая в значительной степени выходит за рамки расплывчатой структуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)».

При этом Бжезинский оговаривается, что для «преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуется не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства». Он понимает, что «это вряд ли произойдёт в ближайшем будущем». Как именно Запад может помочь созданию «демократической, подлинно современной

и европейской России»? Бжезинского такие подробности не интересуют. Зато ему нравится многократно разными словами выражать одну и ту же мысль: русским в итоге придётся признать, что национальная редифиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения.

Бжезинский как мантру повторяет: «Для Запада и особенно для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам – для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи – должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы». И среди этих государств Бжезинский особую роль отводит Украине.

Украина на великой шахматной доске

Бжезинский называет Украину важным пространством на евразийской шахматной доске и геополитическим центром. Но важна она не сама по себе, а «потому что само её существование как независимого государства помогает трансформировать Россию». Дело в том, что «без Украины Россия перестает быть евразийской империей», а потеря Украины «бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества».

Без Украины Россия не может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты со среднеазиатскими государствами, считает Бжезинский. «Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с её 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Чёрному морю, то Россия автоматически вновь получит средства для превращения в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединённой Европы».

Бжезинский многократно подчёркивает, что именно потеря Украины сильнее всего ограничила геостратегический выбор России. Даже без прибалтийских стран и Польши Россия, сохранив Украину, могла бы всё же попытаться не утратить место лидера решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза.

Бжезинский пишет: «Главный момент, который необходимо иметь в виду, следующий: Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России, входящей в состав Европы. Если предположить, что Россия принимает решение связать свою судьбу с Европой, то из этого следует, что в итоге включение Украины в расширяющиеся европейские структуры отвечает собственным интересам России. И действительно, отношение Украины к Европе могло бы стать поворотным пунктом для самой России».

Американский стратег отдаёт себе отчёт в том, что России невероятно трудно будет согласиться со вступлением Украины в НАТО, поскольку это стало бы свидетельством того факта, что судьба Украины больше органически не связана с судьбой России. Но для сохранения Украиной независимости ей «придётся стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она хочет стать частью Центральной Европы, ей придётся сполна участвовать в связях Центральной Европы с НАТО и Европейским союзом».

Бжезинский заключает, что России «необходимо пройти через длительный процесс политических реформ, такой же длительный процесс стабилизации демократии и ещё более длительный процесс социально-экономических преобразований, затем суметь сделать более существенный шаг от имперского мышления в сторону национального мышления, учитывая новые геополитические реальности не только в Центральной Европе, но и особенно на территории бывшей Российской империи, прежде чем партнёрство с Америкой сможет стать реально осуществимым геополитическим вариантом развития обстановки». Американский стратег высказывает убеждение, что **«Россию необходимо постоянно заверять в том, что двери в Европу открыты, как и двери для её окончательного участия в расширяющейся трансатлантической системе безопасности и, вероятно, в будущем, в новой трансевразийской системе безопасности»**. Для обоснования таких заявлений он призывает обдуманно развивать связи между Россией и Европой. В другом месте Бжезинский, правда, говорит о том, что оздоровление России необходимо для демократизации России и её европеизации. Но восстановление её имперской мощи может нанести вред обоим этим целям: «Более того, именно по поводу этого вопроса могут возникнуть разногласия между Америкой и некоторыми европейскими государствами, особенно в случае расширения ЕС и НАТО. Следует ли считать Россию кандидатом в возможные члены в обе эти структуры? И что тогда предпринимать в отношении Украины? Издержки, связанные с недопущением России в эти структуры, могут быть крайне высокими – в российском сознании будет реализовываться идея собственного особого предназначения России, – однако последствия ослабления ЕС и НАТО также могут оказаться дестабилизирующими».

В заключение Бжезинский высказывает убеждение, что процесс пойдёт быстрее, если геополитическая ситуация будет способствовать продвижению России в этом направлении, исключая другие соблазны. «И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, всё больше приобщающееся к принципам современности и демократии, **заполнит “чёрную дыру”** в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. **Это вопрос насущных потребностей выживания**», – заключает Бжезинский.

Нельзя не согласиться с немецким публицистом и философом Хауке Ритцем, который в одной из своих статей отметил, что «Бжезинский выступал в 1990-е за новый мировой порядок, в котором Россия – побеждённый геополитический конкурент – занимала бы место ослабленной, отсталой, проблемной и окруженной со всех сторон страны, которой было бы отказано в роли сколько-нибудь уважаемого геополитического игрока».

В книге «Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство» (опубликованной в 2003 году) Бжезинский констатировал, что «совершенно невероятно, чтобы в ближайшем будущем, например в течение десяти лет, Россия стала членом НАТО», «ещё более длительный срок понадобится России, чтобы подготовиться к вступлению в ЕС, если таковое вообще когда-нибудь состоится».

А до тех пор ключевой задачей западной политики Бжезинский назвал поддержку усилий по консолидации России в качестве постимперской страны, развивающей демократию. Европу американский стратег призывал внимательно следить за тем, чтобы «энергетическое партнерство» с Россией не давало Москве дополнительных рычагов для политического воздействия на соседей: «Сотрудничеству с Россией должны сопутствовать одновременные усилия по укреплению геополитического плюрализма в пределах её бывшего имперского пространства, которые поставят непреодолимый заслон любым попыткам восстановить империю. Так что НАТО и ЕС следует сделать всё для включения новых независимых постсоветских государств, прежде всего Украины, в орбиту расширяющегося евроатлантического сообщества».

Гораздо позднее, но ещё до воссоединения России с Крымом, в феврале 2014-го в немецком журнале *Spiegel* выйдет статья обозревателя Уве Клаусманна, который сравнит попытку Запада переиграть Россию в игре в геополитические шахматы на территории Украины с «шахматным матчем на минном поле»: Америка, опирающегося на стратегию Бжезинского, захочет «максимально оттеснить Россию, в том числе и в её непосредственном окружении. Так, если европейцы примут участие в событиях на Украине, что приведёт к ухудшению их отношений с Москвой, в Вашингтоне этому только порадуются». Такую непримиримость Бжезинского немецкий обозреватель объяснит тем, что наиболее опасными для США представляются «германо-российский сговор» и «соглашение между Европой и Россией, направленное на вытеснение Америки с континента».

Стратегический взгляд на Россию

В опубликованной в 2012 году книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» Бжезинский видит европейскую интеграцию России проблематичной в ближайшей перспективе, но при этом в долгосрочной перспективе он считает её исторически уместной и необходимой. «Через двадцать лет после падения Советского Союза Россия всё ещё не решила вопрос, связанный с её идентичностью – она ностальгирует о советском прошлом, одновременно требуя слишком многого в некоторых своих устремлениях». Россия, по мнению Бжезинского, ещё не преодолела комплекса утраты собственной империи, предстоит определиться – «видит ли она своё будущее в Европе или в Евразии».

Бжезинский отмечает, что попытки России создать единое экономическое пространство в пределах экс-СССР вызывают беспокойство среди некоторых его членов. «Доминирующие элементы её власти по-прежнему совершают манёвры с целью расстроить трансатлантические связи, их по-прежнему возмущает желание Центральной Европы произвести более глубокую интеграцию в рамках ЕС и оборонительного членства НАТО, они по-прежнему также демонстрируют беспокойство в отношении своего богатого минеральными ресурсами, но слабо населённого Дальнего Востока в связи с растущей мощью Китая. В то же самое время российский средний класс, стремительно набирающий политический вес, очевидно предпочитает западный стиль жизни, а представители растущего численно интеллектуального сообщества более открыто говорят о своём желании того, чтобы Россия стала частью современного Запада».

«Все большее число россиян начинает осознавать, что фундаментальное изменение характера отношений с Западом может являться для их страны долгосрочным жизненно важным интересом». Вхождение России в западное пространство, по мнению Бжезинского, важно не только само по себе. Оно приобретает важность и в контексте идеи, согласно которой азиатский регион в XXI веке рискует повторить политическую историю Европы XX века. «Возвышающийся новый Восток может стать таким же турбулентным, каким в своё время являлся Запад». В данном контексте интересно введение термина «новые Балканы». Под этим термином Бжезинский понимает регион, где граничат между собой Иран, Афганистан и Пакистан. Он отмечает, что конфликт, зародившийся здесь, может распространиться в Центральную Азию и на российский Северный Кавказ.

И здесь начинается самый любопытный пассаж этой книги. Бжезинский вспоминает геополитическую теорию «срединной земли» («Хартлэнд»). Маккиндер назвал Евразию «островом мира» («глобальным островом») и заявил, что «тот, кто владеет островом мира, владеет всем миром». По мнению Бжезинского, в истории нашлось три человека, которые пытались проверить эту теорию в действии и покорить «глобальный остров»: Чингисхан, Гитлер и Сталин.

Чингисхан практически сделал это, опираясь на своё выдающееся мастерство полководца, но его поход завершился на границах Центральной Европы. Но он не смог удержать в руках гигантскую территорию. «Как следствие, численно тонкая прослойка монголов в его “империи” оказалась в скором времени ассимилирована населением, которое он завоевал».

Гитлер, покоривший Европу, потерпел неудачу в России, но «мог победить, если бы к нацистскому вторжению в Россию добавилось японское наступление с востока».

Сталин, по мнению Бжезинского, подошёл ближе всех к покорению «глобального острова», «когда его трансевразийский китайско-советский блок, появившийся в результате победы коммунистов в Китае, попытался выбить американцев из Кореи. Однако вероятность установления коммунистического контроля на всём пространстве “мирового острова” существенно снизилась после того, как на Западе образовалось НАТО, а китайско-советский блок на Востоке после смерти Сталина постигли раскол и вражда».

Бжезинский считает, что теория Маккиндера более чем актуальна. Но при этом отмечает, что сейчас, в эпоху «пробуждения» Азии, нужно смотреть на неё под другим углом. «Ситуация, когда “мировой остров” может контролировать лишь одна держава, невозможна, особенно с учётом появления новых региональных игроков. Соответственно, задача, диктуемая временем, для решения которой Америка должна приложить в долгосрочной перспективе все силы, заключается в распространении геополитической трансасиатской стабильности, которая должна основываться на набирающей силу аккомодации старых держав Запада и новых держав Востока».

Это – новая модель геополитического контроля над ситуацией, которая придёт на смену однополярному миру – контроль наиболее «западных» и «демократизированных» государств над молодыми, растущими, амбициозными, нестабильными и конфликтными.

Участвуя в формировании более устойчивого и широкого Запада, США должны при этом оставаться и в другой части Евразии, чтобы «сбалансировать возникающие противоборства на возвышающемся и беспокойном Востоке».

Стратегическое участие Америки в Азии должно происходить в форме тщательно выверенного усилия, направленного на развитие сотрудничества и партнёрства с Китаем и на сознательное содействие примирению между Китаем и являющейся американским союзником Японией, в сочетании с расширением дружеских отношений с такими ключевыми государствами, как Индия и Индонезия. В противном случае азиатское соперничество в целом или страх перед доминирующим Китаем, в частности, может подорвать и потенциал для обретения Азией новой роли в мире, и её региональную стабильность».

Широкий и более энергичный запад

«Разделительная линия между Европой – с одной стороны и Россией и Турцией – с другой – является геополитической абстракцией» – с такого заявления Бжезинский начинает одну из глав. «Ни река Буг (разделяющая Польшу и Белоруссию), ни Нарва (разделяющая Эстонию и Россию) не определяют внешние границы европейского востока. Если на то пошло, это относится и к расположенным глубоко в России Уральским горам, которые часто называют в географических пособиях границей между Европой и Азией. Ещё менее значимым в этом отношении является пролив Босфор, соединяющий Чёрное и Средиземное моря...»

Интересно, ведь Бжезинский закладывает ценностную теоретическую основу геополитическому сближению России и Турции с Западом. «Природных границ между Европой и Евразией на самом деле нет!» – скрытым текстом говорит американский стратег. «Ещё в большее заблуждение нас вводит понятие “культурные границы Европы”. Если рассматривать с точки зрения образа жизни, архитектуры и социальных привычек, то Владиво-

сток, расположенный на российском Дальнем Востоке, является более европейским городом, чем Казань – столица Татарстана, расположенная несколько тысяч километров ближе к Западу, в “европейской” части Российской Федерации. Анкара, столица Турции, расположенная на Анатолийском плато и, следовательно, географически находящаяся в Азии, является настолько же европейским городом, насколько им является Ереван, столица Армении, расположенная более чем полутысячами миль восточнее, но про которую говорят, что она – в Европе».

«В конечном итоге, современная Россия и Турция, хотя и в меньшей степени, не отделены от Европы ни географически, ни образом жизни», – считает Бжезинский. Русские стремятся разделять западные ценности, но политическая система, в которой они живут, не реагирует на эти стремления. Турки в большинстве своём уже придерживаются, и, вдобавок уже категорически утверждают, что в культурном и социальном смысле уже являются «европейцами». Обе эти нации сводят к минимуму остаточное влияние своих, в своё время очень отличных друг от друга, «восточных деспотий». Турки указывают на институционализированное разделение религии и государства в модернизированной и более демократической Турции. Русские подчёркивают, что ещё при Петре Великом Россия подверглась сознательной европеизации, что коммунистическая эпоха недавнего прошлого в действительности являлась аберрацией и что традиции российского православия являются неотъемлемой частью европейского христианского мира».

По мнению Бжезинского, объединяет две страны и то, что у них присутствуют традиции имперского прошлого, причём «обе страны достигли величия вне зависимости от Европы, а иногда и вопреки Европе». Но обе страны потерпели и крах. Для Турции он произошёл после Первой мировой войны, при том, что уже в XIX веке её называли «больным человеком Европы». Россия испытала моменты национального падения дважды – в ходе «большевистской революции» и при падении коммунизма. Объединяет Россию и Турцию ещё кое-что. «Обе страны отвергли собственное имперское прошлое, но они не могут полностью стереть его из своих геополитических амбиций или из исторического сознания при сознательном и настойчивом переопределении самих себя».

Взаимоотношения России с Европой представляются Бжезинскому амбивалентными. «Российская политическая элита декларирует желание установить более тесные связи с ЕС и НАТО, но на данном этапе она не желает проводить реформы, способствующие такой связи. Её социальной, политической и экономической программе не хватает целенаправленности, а перспективы остаются сравнительно неясными». Тем не менее, он считает, что для взаимоотношений России, Америки и Европы характерно стремление установить тесное партнёрство для обретения общих политических интересов и экономических ценностей. «Следующие два десятилетия должны стать определяющими для перспектив России в развитии более широкого и политически искреннего сотрудничества с Западом».

«Исторически Россия считает себя слишком могущественной для того, чтобы удовлетвориться ролью обычного европейского государства, но при этом она слишком слаба для того, чтобы доминировать в Европе постоянно». Бжезинский отмечает, что российское политическое влияние на континенте было максимальным после крупных военных побед – он вспоминает «триумфальный въезд императора Александра в Париж» в 1815-м и «победный ужин Сталина в Потсдаме» в 1945 году²¹.

Бжезинский подходит к последнему тезису с интересной стороны. «Если бы Наполеон не напал на Россию в 1812 г., российские войска вряд ли совершили бы марш на Париж в 1815 году». Впрочем, Бжезинский напоминает нам всю историю участия России в войнах с

²¹ С другой стороны, в 1760 году – в ходе Семилетней войны – российская армия взяла Берлин, но политических дивидендов это не принесло вследствие смерти Елизаветы Петровны и восхождения на престол Петра III.

1812-го. Вспоминает он о поражении в Крымской войне (1853–1856 гг.), вспоминает о поражении в русско-японской и в Первой мировой войне. Победа во Второй мировой войне восстановила влияние России в Европе и дала возможность осуществлять политический контроль в Восточной Европе, однако несколько десятилетий спустя эти достижения оказались нивелированы поражением в изнурительной холодной войне с США. Таким образом, Россия сейчас находится на «постимперской стадии», но при этом ей «из-за богатств своей малозаселённой, но обширной территории суждено играть существенную роль в мире».

«Тем не менее исторически в качестве основного международного игрока Россия не проявляла дипломатической утончённости Великобритании, или коммерческой хватки демократически привлекательной Америки, или самоконтроля исторически уверенного в себе Китая. Она терпела неудачу в попытках последовательно проводить государственную политику, которая предусмотрительно (бережливо, расчётливо) использует свои природные ресурсы, безграничные пространства и впечатляющие таланты своего общества для того, чтобы показать международному сообществу пример успешного социального развития. Россия скорее предпочитала заниматься торжествующим и даже мессианским самоутверждением, погружаясь при этом в летаргическое болото».

Не забывает Бжезинский и о проблемах в социальной сфере – демографический кризис, короткая продолжительность жизни мужчин, алкоголизм и т. п. «Широкая информированность мира о социальных проблемах России и относительно скромном уровне жизни дискредитируют её международные устремления». Хотя Россия занимает первое место в мире по территории, девятое место по численности населения и второе место по количеству ядерных вооружений и является развитым индустриальным государством, по уровню социального развития Россия, по оценке Бжезинского, находится ниже Турции, как и по уровню коррупции. По совокупности всех показателей среди всех мировых стран он относит Россию к «середнякам». Среди других проблем отмечается нестабильность южных границ и соседство с набирающим силу Китаем.

Парадоксы встречаются и в общественной жизни. В то время как большая часть состоятельных людей хочет видеть Россию «современной страной с европейским типом общества», политической элите больше импонирует образ России как «доминирующей силы в Европе, стоящей обособленно от Америки или даже ведущей мировой державы, стоящей с Америкой наравне». Что касается простого населения, то оно, по мнению Бжезинского, «играет с притягательными на первый взгляд понятиями “Евразийство” или “Славянский союз” или желает создания антизападного альянса во главе с Китаем». Но, по мнению Бжезинского, последнее не имеет никакого смысла. «Они не могут понять того, что со своим трансевразийским пространством, пустым и слабо развитым, такого рода стратегия является иллюзией. Другая идея – идея российско-китайского альянса, направленного против Америки, тоже представляет собой форму бегства от реальности».

«Проблема заключается в том, что многие русские отказываются признать то, что в случае создания российско-китайского союза – даже если Китай этого захочет – Россия будет в этом союзе младшим партнёром, что чревато для России потенциально негативными последствиями в вопросе территорий». Это, конечно, так. Но подано в такой форме, будто Бжезинский рекламирует нам плюсы союза с Америкой.

Недостаток же идеи «Славянского союза» заключается в том, что эту идею не поддерживает молодое поколение Украины и Белоруссии (главные потенциальные российские союзники), родившееся и выросшее в независимом государстве. «Разговоры об “общем экономическом пространстве” с Россией в главной роли не могут скрыть тот факт, что его гипотетические экономические выгоды менее привлекательны, чем чувство гордости, связанное с особым национальным происхождением и обладанием политической независимостью. Попытки заставить Украину или Белоруссию войти в “Славянский союз” скорее, чреваты

тем, что Россия ввяжется со своими соседями в продолжительный конфликт». Внешнеполитическую ориентацию России Бжезинский называет противоречивой и где-то эскапистской.

Сближение России и Запада усложняется, по мнению Бжезинского, внутренними проблемами нашей страны, связанными с демократией и законностью. «Без верховенства закона, закреплённого на институциональном уровне, установление в России демократии западного типа будет не более чем поверхностным подражательством». Бжезинский отмечает, что российское общество отличают такие глубоко укоренившиеся черты, как поощрение коррупции, злоупотребление гражданскими правами и подчинённое положение общества по отношению к государству. Американский стратег считает это негативным наследием советского прошлого. «В отличие от Германии, которая отрёклась от нацистского периода своей истории, в России ещё пользуются уважением лица, отвечающие за деяния, которые можно назвать одними из самых кровавых преступлений в истории, хотя на официальном уровне их подвергли осуждению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.